

18+

ВЕРА КАПЪЯНИДЗЕ

ИНСТИНКТ ОРТОКЛАСА

Вера Капьянидзе
Инстинкт Ортокласа

«Издательские решения»

Капьянидзе В.

Инстинкт Ортокласа / В. Капьянидзе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986445-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Трудно быть Богом? А как насчет дьявола? По какому пути пойти древней цивилизации: уничтожить порожденный ею мир или способствовать его развитию? И что делать современным людям, оказавшимся в центре противостояния этих могущественных сил? Чью сторону принять? Ведь только от их выбора зависит судьба всего человечества.

ISBN 978-5-44-986445-1

© Капьянидзе В.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Инстинкт Ортокласа

Вера Капьянидзе

© Вера Капьянидзе, 2024

ISBN 978-5-4498-6445-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

– Каков у нас лимит времени? – мучительно морща лоб, спросил Седьмой Правитель Таговеи.

Неделю назад ему сделали очередную герондомодуляцию. Несмотря на то, что это была уже третья в его жизни операция по продлению жизни, перенес он ее тяжело. И сейчас все еще болели мышцы, суставы, но самое страшное – мучительно разламывалась голова, не давая сосредоточиться на главном и реально осмыслить создавшееся положение. Голоса ученых сливались в один неясный гул, из которого вырывались лишь отдельные фразы, с трудом доходившие до его раскаленного мозга.

– Пять тысячелетий, не более. Это в лучшем случае...

Доклад ученых пугал. О катастрофе ученые мужи говорили несколько столетий, но как-то неуверенно. Пятьдесят лет назад у них были только версии, догадки и предположения. Теперь же, после изобретения тедрокрипториста, с помощью которого стало возможным провести спектральное геофизическое сканирование планеты, и на основании экономических расчетов подсчитать потенциал планеты почти без погрешностей, ученые били в набат о неминуемой гибели Таговеи!

Необходимо было принимать какое-то решение. Конечно, Седьмой Правитель Таговеи – крохотной планеты, затерявшейся в созвездии Белого Орла, мог бы сделать это и единолично. Но страх, что из-за мучительных головных спазмов, он может принять неправильное решение, останавливал его.

– Решение вынесет Совет Посвященных, – еле слышно, словно расписываясь в собственном бессилии, произнес он.

Зал удовлетворенно затих, и вскоре опустел: ученые бесшумно телепортировались, оставив Правителя наедине с его сомнениями и мучительными мозговыми спазмами...

* * *

Мокрый пушистый снег, лениво зависая в воздухе, заполнил все видимое пространство. В потустороннем свете фонарей огромные лохматые снежинки складывались в причудливый воздушный ажур, который медленно спускался на землю. Казалось, какой-то невидимый ткач без устали плетет и плетет нескончаемое кружево. Искрящаяся в морозном воздухе, девственная белизна медленно сползала на тротуары и дороги, тут же превращаясь в чавкающую кашу. Сапоги разбухли непомерными колодками, за шиворот куртки набился снег, намокший шарф елозил по шее. Обычная питерская зима.

Настроение у Милы было сообразно тому, что хлюпало под ногами. Причины для этого были. Ноги не несли домой. «Нет, все-таки съезжу!» – решила, наконец, она. Мила достала сотовый, предупредила дочку, чтобы не ждала ее, и повернула к метро.

Дашка, на этот раз перекрашенная в брюнетку и постриженная «ля вамп», обрадовалась:

– Молодец, что выбралась, а то мои спиногрызы уже всю крышу снесли! Пойдем на кухню. Я им раскраску подсунула, так что полчаса тишины у нас с тобой обеспечены.

– А Маланов где?

– То есть как где? – оторопела Дашка. – В баню же с твоим Димкой поехали.

– Ах, ну да! – слукавила Мила. – Я забыла.

– Что-то ты, девушка, темнишь. – Засомневалась Дашка. – Вы что, не разговариваете с ним? Поругались? Ну-ка, выкладывай, что у вас стряслось.

Мила достала из сумки бутылку сухого вина и шоколадки для детей, прихваченные по дороге.

– Да пока еще ничего не стряслось, но хорошего мало, скажу я тебе. Давай тару.

Не успели они разлить вино, как на кухню заскочил с головы до ног раскрашенный акварелью один из близнецов. За шесть лет Мила так и не научилась различать кто из них Мишка, а кто – Гришка.

– Мне тоже пить! – оглушительно заорал он.

– Я тебе дам пить! – угрожающе схватилась за полотенце Дашка. – Лешка, забери его отсюда! Дайте с человеком поговорить!

Но вместо Лешки влетел второй, такой же красно-сине-зелено-желтый близнец.

– И я хочу лимонада!

– Это не лимонад! Лешка!!! – истошно завопила Дашка.

Не спеша появился старший из потомков – четырнадцатилетний Маланов, с болтающими на шее наушниками.

– Здравсьте, тетя Мил. А где Света?

– Дома. Я прямо с работы.

– А-а, жаль. Это что за красавцы?! Чего размалевались, индейцы?

Мишка и Гришка притихли и дружно засопели.

– Мы просто рисовали...

– Леш, займись, пожалуйста, этими оболтусами. Дай мне полчаса передохнуть.

– Можете не торопиться. Дарю вам час. Быстро в ванну! Оба! – коротко скомандовал он, и близнецы безропотно отправились отмывать свои художества.

– Дашка, ну ты мать-героиня! Как ты с ними справляешься? – восхитилась Мила.

– Никакая я не героиня, а жертва несбывшихся желаний, – объясняла Дашка, копаясь в холодильнике.

– То есть? – не поняла Мила. – Помочь?

– Да, вот колбаску порежь. Просто очень хотела девочку. Тихую, послушную, как твоя Светочка. Размечталась о бантиках, платьицах. Ну и получила. Не зря же говорят: «Строить планы – смешить Бога». Ох, если бы не Лешка, не знаю, что и делала бы с этими оболтусами! Только его и слушаются, да еще Витьку немного. Ну, все, садись, рассказывай, что у вас там?

– Да что? Хоть «караул» кричи. Летом к нам на работу пришла новенькая девица. Ну, я тебе уже рассказывала, помнишь? Как и мы, из Репинки, а такое впечатление, словно только что с подиума спустилась. И представляешь, в наглуую запала на моего Димку.

– Может, тебе все это показалось?

– Ну конечно, показалось! – возмутилась Мила. – Что я слепая? Чуть, какой вопрос, бежит к нему: «Дмитрий Васильевич, Дмитрий Васильевич...». Словно кроме Дмитрия Васильевича больше не у кого спросить. Так целыми днями около него и вертится, как привязанная. А одевается! Ты бы посмотрела, Даш! Чуть ли не в неглиже на работу ходит! Встанет перед ним около стола и то задом крутит, то титьки чуть не на стол ему выложит...

– Мил, может, ты преувеличиваешь?

Дашке был известен ревнивый нрав подруги. Не первый год были знакомы. Еще в институте ревновала своего Димусика к каждой юбке. А уж когда из-за академического в связи с рождением дочери отстала от своего курса, тут вообще такое началось! И сама извелась и Димку изгрызла, пока институт не закончили. Как только он, бедолага, это все вытерпел.

– Что ты меня совсем дурочкой считаешь? Я же не слепая, вижу, как она ему на шею вешается...

– Ну, а Димка-то что? Надеюсь, не отвечает взаимностью?

– Димка? – смешалась Мила. – Да он только смеется над моими опасениями. Дурочка, говорит. Уверяет, что никто ему кроме меня не нужен.

– Ну вот! А ты, глупенькая, боялась! Это же самое главное! – ободряюще подытожила Даша, подняв бокал с вином. – Вот давай, и выпьем за верность наших мужиков!

– Нет, ты послушай, послушай. Это еще не все. Летом нас с Димкой перебросили на реставрацию Инженерного замка. Ну, ты знаешь.

– Угу, – кивнула головой Дашка с набитым ртом.

– Представь, этой профурсетки даже близко в списках не было! Я обрадовалась, что оторвались. Работаем себе спокойно, и вдруг через две недели – она тут как тут! Нет, как тебе это нравится? Без году неделя на реставрации, ничего в этом деле не смыслит, а ее на такой ответственный объект толкнули! Не иначе у нее лапа в управлении.

Мила залпом осушила стакан с вином.

– А сегодня вообще – отпад! Стоим с Димкой на остановке. Подходит мой автобус, я сажусь, а он остается: Витьку твоего ждет. И вдруг из окна вижу, как она выныривает откуда-то и напрямик к нему! Словно только и ждала, когда я уеду. Ну, хоть из автобуса выпрыгивай!..

– Да, это уже серьезно, – согласилась Дашка.

– Ну, а я тебе про что говорю? Я даже засомневалась, действительно ли они с Витькой в баню поехали? Потому и приехала к тебе.

– Это ты правильно сделала. Мужики они народ такой. Их надо все время держать под контролем. Доверяй, как говорится, но проверяй.

– Вот и я про то же. День устоит, два продержится, а на третий сломается. Молодая, интересная, свободная, да еще сама себя откровенно предлагает.

– Тем более, – поддержала Даша подругу, – что это сейчас модно – старых жен на молодых обменивать.

– Ну, – возразила Мила, – это богатенькие с жиру бесятся, а нашим-то с чего беситься?

– А кто его знает, с чего вообще мужики бесятся. Генетическая тяга к воспроизводству...

Выпили еще.

– Слушай, Мил, я вот что подумала: а может, они и правда втроем в баню отправились, да еще подружку прихватили для моего Витьки? – засомневалась уже и Дашка. – Что делать-то, Мил?

– Не знаю, подруга. Потому к тебе и приехала.

– Так, ладно, – встряхнулась Даша, – хватит кисляка мочить. Для начала позвоню-ка я Витьке.

Телефон никто не брал.

– Странно, – задумалась Дашка. – Молчит. А ну-ка ты позвони Димке.

Димкин телефон тоже безмолвствовал.

Выпили, горестно помолчали.

– Значит так, подруга, – решительно заявила Дашка. – Объявляется боевая тревога! Чтобы отбить интерес к противнику, надо что делать?

– Что? – спросила Мила.

– Привлечь интерес к себе. Во-первых: никакого уныния и растерянности, во-вторых: ежедневная боевая раскраска, в-третьих: полностью меняем имидж. По себе знаю, действует безотказно...

– Да я ей все глазенки наглые выцарапаю! – не слушая подругу, гневно выпалила Мила.

– Ни в коем случае! – возразила Даша.

– Это еще почему?! – возмутилась Мила. – Она будет вешаться на моего мужика, а я буду бездействовать?

– Этим ты только подорвешь свой авторитет у Димки.

– Зато деморализую противника. – Решительно заявила Мила.

Тут разом зазвонили оба телефона. Звонили мужья. Оказывается, они были в парной, а туда, как известно, с телефонами не ходят. Но узнать, с кем мужики были в парной, так и не удалось.

– Мам, ваше время истекло. Можно пойти погулять? – не вовремя явился Лешка.

– Еще полчаса подаришь?

– Пятнадцать минут. Время пошло.

– Ладно, исчезни. Слушай, Мил, а вообще мне эта ситуация, ой как не нравится. Надо принимать какие-то радикальные меры.

– Согласна. Меры, это само собой, но очень хочется глаза ей выцарапать.

– Выбрось это из головы. И вообще: никаких выяснений и скандалов. Делай вид, что ничего не происходит. Кстати, кто такая эта девица? Может, я в Управлении что-нибудь узнаю про нее, или удастся как-то перевести ее на другой объект. У меня вообще-то неплохие отношения с кадровичкой.

Дашка в свое время тоже заканчивала Репинку. Там же, будучи студентами, они все четверо подружились, а потом и переженились. Но в лихие девяностые она не стала уповать на удачу свободного художника, а окончила курсы бухгалтеров и устроилась в Управление культуры. Скоренько обросла связями, полезными знакомствами. Помогла устроиться и Миле с Димкой. Только Витька отказался: он к тому времени работал художником-декоратором в Александринском театре, подрабатывал иллюстратором по разным издательствам и журналам, и был вполне доволен своим положением.

– Валерия Краснова.

– Опаньки! Ну, тебе повезло, подруга! Наслышана я про эту Валерию. Это же племянница самого управляющего. Тут скорее тебя куда-нибудь переместят, чтобы не путалась под ногами. Н-да, это даже серьезнее, чем ты думаешь.

– Ну и ладно, выцарапаю ей глазенки и со спокойной душой уволюсь.

– Мила! Как можно? Ведь ты же интеллигентная женщина!

– Я в первую очередь женщина, а все остальное – потом. И мужика своего я так просто не отдам!

* * *

Ночью за бочками с машинным маслом, Люська окотилась. Родились четыре котенка. Все здоровые, голодные, горластые. Они жадно накинулись на ноющие от приливающего молока титьки, мочалы их своими беззубыми, горячими ртами. Деловито приведя себя и котят в порядок, на куске ветоши Люська нежилась от затихающей боли, от сладкого сопения чавкающих и толкающихся теплых комочков. Ей стало так сладко от материнского счастья, что она задремала, истомленная болью и любовью, скрутившись клубком вокруг своих деток...

Часа через два молоко закончилось, а котята продолжали тянуть и тянуть опустошенные соски, вытягивая из нее душу. Чтобы молоко прибыло, надо было поесть и попить. Люська выбралась из своего убежища и пошла к цеховому сторожу Володьке, зная, что тот обязательно покормит ее. Бывало, что он отдавал ей свой последний кусок колбасы. Она могла бы и потерпеть, но против материнского инстинкта не попрешь. Когда есть молоко, тогда и котята сытые. А когда они сытые, они молчат. А когда молчат, значит в безопасности, и есть надежда, что их не найдут и не утопят.

«Может, спит», – понадеялась Люська на удачу. Но Володька не спал, а сидел над кроссвордом. Люська бесшумно подкралась к своей миске, где еще с вечера лежал кусок дешевой вареной колбасы. Но этот номер у нее не прошел.

– Люсенька! – обрадовался Володька. – Ты где пропала? Даже колбаску не съела?.. О! – заметил он пустое и обвисшее Люськино пузо, – да никак ты окотилась? То-то, смотрю, и носа не кажешь. Ну, хитра! Небось, своим умишком думаешь, что все обойдется? Эх, Люся, Люся, ты уж не обижайся на меня.– Гладил он ластившуюся к нему кошку. – Если всех твоих котят оставлять, вас бы уже больше чем китайцев было. Что ж делать, – вздохнул он, поглаживая Люську, – жизнь – жестокая штука. Чаше бьет, чем гладит...

«Заметил, гад! – злобилась на сторожа Люська. – Ничего, подожду, может, заснет. Спать-то он горазд. Ему бы пожарником работать, а не сторожем». Но Володька и не собирался спать. Он исподволь следил за кошкой, делая вид, что отгадывает кроссворд. Люська видела всю его хитрость. Она терпеливо выжидала, потому что знала, стоит ей только отойти, Володька тут же пойдет за ней. Она не торопясь, съела кусок колбасы, попила водички, и сидела, облизывая мордочку. Наблюдала за таким ненавистным сейчас сторожем. Она ждала, когда тот отвернется, чтобы тенью прошмыгнуть между станков и нагромождений ящиков с заготовками... И тут она услышала только ею одной различимый звук: пищали голодные и замерзшие без ее тепла котят. Инстинкт взял верх над ее терпеливой хитростью. Люська опрометью метнулась на склад ГСМ... Сторож поспешил следом.

Напрасно Люська торопливо вылизывала котят, согревая их своим дыханием, напрасно подсовывала им свои набухшие соски, пытаясь закрыть горластые рты... Володька засек писк и по звуку вычислил их местонахождение. В складе ГСМ зажегся свет, и перед Люськой предстал Володька с ведром. «Все-таки нашел!» – от горя у Люськи оборвалось сердце.

– Ну-ка, Люсенька, покажи своих деток, – притворно ласковым голосом приговаривал Володька. – Ой, да какие же они у тебя красивые, да крупные!

«Есть в кого: папашка-то вон, какой здоровый! Да я и сама не из мелких, вот детки крупненькие и получились», – гордилась Люська малышами.

Она отлично понимала, что сопротивление бесполезно, и судьба ее деток уже предрешена, но все-таки пыталась защитить их, чуть ли не усаживаясь на них сверху.

– Ты что же делаешь, дура! Задушишь же! Уселась, корова, – бурчал Володька, отгоняя Люську и вытаскивая котят из-под нее.

«А ты, живодер!» – мысленно огрызалась Люська. Она пыталась морально воздействовать на своего «благодетеля»: жалобно заглядывала ему в глаза зелеными глазищами, и мурлыкала-мурлыкала-мурлыкала, думая этим задобрить его. У нее скатилась горькая, как ее жизнь, слеза, но даже это не разжалобило сторожа. Тот старался не смотреть на кошку, и злился, что ему приходилось исполнять роль палача. Но если он этого не сделает, то нет никакой гарантии, что Люську вместе с котятами вообще не увезут куда-нибудь из цеха. А так – хоть она останется.

– Да не смотри ты на меня так! – не выдержал он. – У самого кошки на душе скребут. Говорил ведь, что коту надо заводиться в цеху. Так нет же. «Коты мышей не ловят!» Правильно, всем кошку подавай, а я – отдувайся. У них, видите ли, рука не поднимается. Как будто для меня это – удовольствие, – злился Володька.

– Смотри-ка, Люсь, три кошечки и один кот – самый здоровый. А красавец-то, какой! Прямо, вылитый ты! Русский голубой! Оставить его, что ли тебе на смену, ты-то уж старая?

«Сам ты старый! Я, может, еще и тебя переживу. Нашел тоже старую... Неужели я так плохо выгляжу?» – еще больше расстроилась Люська. – Ну, конечно, уже не первой свежести. Да и частые роды не красят, организм изнашивается, и всякое такое. Старая... Зато выносливая. Вон кладовщица говорит, что русские голубые самые выносливые из кошек. В любых условиях выживают. А у нас, вообще, что люди, что кошки – самые-самые! Ведь ни одна персидская не смогла бы жить в таких условиях, а я – ничего, живу, да еще и деток рожаю. Вот только такие душегубы, как ты, их топят и топят, а если и оставляют, то только котов. Так скоро всю русскую голубую породу переведут. Одни персы, египетские да всякие вислоухие уроды и останутся. Чтобы вам деньги на них делать. Небось, за их каждым котенком, как за родным дитем ухаживают, а мои бедолаги... Никак не возьму в толк: чем мои котятки хуже?...» – травила себе душу Люська.

Котят в ведре пищали, разрывая Люськино сердце. Она пыталась запрыгнуть к ним, но Володька каждый раз выкидывал ее. Люська, по натуре тихая кошка, сейчас даже пыталась шипеть на Володьку. Но он ее нисколько не боялся. Знал, ирод, что ни царапаться, ни кусаться она не станет...

Люська, жалобно мяукая, трусилась за ведром с котятками.

– Нет, а котика я все же оставлю! – вдруг решительно остановился Володька. – И ты на время утомись со своими гулянками. Вот немного подрастет, я его домой заберу. Не выгонит же меня бабушка из-за котика, правда, Люсь? И нам, старым, забава будет.

Около стола в цеху, где он обычно сидел, Володька поставил ведро, в которое тут же запрыгнула Люська, а сам начал сооружать ей лежанку. Нашел коробку из-под подшипников, положил туда ветоши и поставил коробку одним боком к горячей трубе отопления. Потом закрыл коробку сверху, оторвав кусок картона для лаза, и положил вовнутрь котенка.

– Ну, полезай, облизывай свое кошачье счастье, – вздохнул он, и пошел прочь с ведром.

Люська побежала было за ним, но из коробки тоже несся истошный писк. Она заметалась, не зная, куда ей бежать, и, наконец, словно поняла, что ей оставили котенка, решительно повернула к коробке...

Через час страсти улеглись. Люська нежилась в тепле, котенок, насытившись и согревшись, спал, смешно подергивая лапками и зарывшись в теплую материнскую шубку. Люськино сердце раздвоилось. Одна половина безутешно горевала по котяткам, а другая – радовалась, что наконец-то из 28 рожденных ею котят хоть один остался при ней. Есть все-таки счастье на белом свете! Конечно, это замечательно, что Володька заберет его к себе. Хоть и жаль будет расставаться с ним, но это лучше, чем прозябать в цеху. Нет, своей судьбы котенку она не желала. Что хорошего на заводе? Грязь, грохот, вонища! То сварка, то покраска, кругом масло да металлические стружки. Это ей деваться некуда – родилась в этом цеху, тут, наверное, и помрет, а детеныша хотелось бы пристроить получше. У Володьки ему будет хорошо: он мужик неплохой. Не обижает, кормит, другой раз и погладит, не то, что другие. Просто так, походя, могут и ногой под зад поддать, и никогда кусочка хлеба не бросят.

Люська всегда мечтала жить в квартире. Просторной и светлой. Спать на чистой белой постели. И одеяло чтобы обязательно было теплое, пуховое. А еще, чтобы в квартире висели часы с боем. Обо всех этих прелестях цивилизации Люська наслушалась от знакомой трехцветной красавицы-кошки из первого цеха: ту сослани на завод за предезкую провинность: гадила, где попало. «Засранка! – подумала тогда Люська, слушая ее. – Из-за такой ерунды счастья лишиться!»

Перемежая горе, радость и мечты, Люська забылась, прижав к себе единственный родной комочек в этом жестоком мире.

ГЛАВА 2

В пустом зале, где не так давно ученые аргументировали неизбежность гибели Таговеи, в глубоком раздумье пребывал Седьмой Правитель. Послеоперационные симптомы уже не терзали его. Напротив, во всем теле ощущалась приятная легкость. Мышцы понемногу наливались молодой силой, морщины на лице уже заметно разгладились, волосы постепенно приобретали прежний цвет. Даже на месте вырванного зуба наметился болезненный бугорок пробивавшегося нового, который раздражал, постоянно отвлекая внимание. Омоложение шло привычным ходом, но Правителя это не радовало. Сейчас он с грустью думал об Иразиде – своей третьей жене и о сыне Демонде. Через несколько столетий его жена и сын состарятся, а он по-прежнему останется молодым. Эта горькая мысль о неотвратимости разлуки мучила Правителя.

Несчастье многих ученых Таговеи состояло в том, что возрастом уже давно можно было управлять. И далеко не возраст в конечной инстанции составлял стержневое значение, а состояние мозговой деятельности. И, как результат этого – неизбежная разлука с близкими, как это уже произошло с двумя женами и сыновьями Правителя.

Закон о герондомодуляции распространялся лишь на тех, кто представлял особую ценность для планеты, а их близкие в расчет не брались, потому что операция требовала невероятных энергетических затрат, весьма ощутимых в масштабах планеты. Тем же, в чьих головах и руках особо нуждалась планета, по решению Совета Посвященных жизнь продлевалась неоднократно. Но не более 10 раз в течение жизни. В основном, это были ученые, теоретики, геофизики, генетики, медики. С творческими личностями омоложение почему-то давало сбой. Они либо «исписывались», либо начинали ностальгировать по ушедшим временам, не принося в жизнь общества ничего нового.

Вся Таговея была разделена на 12 округов, наместниками которых были Посвященные. Совет, состоящий из 13 таговетян, всенародно избирался через каждые две тысячи лет. Общее руководство планетой Таговея осуществлял назначенный из числа Посвященных Правитель. Каждый из Посвященных и Правитель жили не менее 10—20 тысяч лет.

Вопрос о продлении жизни Правителя решался на общем Совете Посвященных. В свою очередь, Правитель обладал правом вето на продление жизни каждого из Посвященных. Получался замкнутый круг: Правитель зависел от Посвященных, настолько же, насколько и они от него. И хотя уже 90000 лет, как в генетическом коде таговетян был искусственно заблокирован так называемый «антиморальный» ген – носитель алчности, злобы, зависти, лжи и прочих аморальных качеств, чувство некоторой подневольности при встрече с Посвященными жило в Правителе. Потому он старался, как можно реже прибегать к их помощи, имея право единоличного решения многих проблем. Но сегодня случай был особый, касающийся дальнейшего существования планеты. Правитель понимал, что такой вопрос он не вправе решать единолично.

Над высоким прозрачным куполом, мерцали оптически увеличенные звезды. Облаченный в белый хитон с рубиновым аграфом, высокий и подтянутый, неподвижно сидел Правитель в одном из кресел, впериw угрюмый взгляд ярко-синих глаз в безбрежное космическое пространство. Над Таговеей всходило первое дневное светило Хирея, и кроваво-красными пугающими бликами освещало пустой зал. Неожиданно на спинке одного из кресел, там, где был вделан такой же рубин, как на аграфе Правителя, украшавшего его белоснежный хитон, сверкнула яркая, как просверк молнии, искра. Вслед за этим над креслом появился размытый, полупрозрачный, дрожащий в воздухе силуэт человеческого тела, похожий скорее на марево или дымку. Потом, словно в проявителе, возникло плоское изображение, постепенно приобрета-

ющее объем человеческого тела. Это телепортировался первый из Посвященных, вызванных на Совет.

– Приветствую тебя Седьмой Правитель Таговеи! – поднял он руки в приветствии.

То же проделал и Правитель:

– Слава и тебе, мудрейший Фиптис!

И вот уже то над одним, то над другим креслом, как миражи в пустыне, затрепетали неосязаемые контуры Посвященных. Когда телепортировался последний из двенадцати, после приветствий, купол над залом затянулся светонепроницаемой, информационноизолирующей пленкой, и тут же по всему залу разлился приятный голубой свет.

– Устраивайтесь, – пригласил Правитель гостей. – Разговор предстоит трудный и долгий.

Он помолчал, подождав, когда все присутствующие отключат свои сибвисторы – полупрозрачные предметы овальной формы, размером чуть больше теннисного шара, светящиеся голубым мерцающим светом и висящие у каждого из Посвященных на шее на серебристых шнурах. Это были идентификационные аппараты для приема-передачи информации и связи.

– Для начала разрешите совершить небольшой экскурс в историю. Позвольте напомнить Вам, что не прошло еще 60 миллионов лет, когда нашу планету постигла страшная беда. В те далекие времена, как вы знаете, нашим ученым чудом удалось обнаружить пробудившуюся активность Черного Коловорота. Тогда Таговетяне еще не достигли таких высот цивилизации, как в настоящее время. И только самоотверженность миллионов ученых смогли спасти нашу планету от неминуемой гибели. Да, тогда мы вышли победителями из схватки, мы открыли новые методы защиты планеты, усилили гравитационное поле Таговеи, сделали ее практически недоступной космическому натиску. Но какой ценой? В те далекие годы мы потеряли почти все запасы тирсия – жидкого металла, который при взаимодействии с солями аурума дает нам не только животворный состав воды и атмосферы, но еще служит и основой энергетических запасов нашей планеты.

– Но ведь запасы тирсия константно пополняются с необитаемого Иргина, – возразил один из Посвященных.

– Заметьте, с необитаемого, – подчеркнул Правитель. – Но, позвольте, я все-таки продолжу свой экскурс. Итак, много миллионов лет назад перед таговетянами стояла дилемма: либо переселять все население Таговеи на аналогичную планету с запасами тирсия и аурума, либо искать планету-донора. Для переселения нужны были тысячи и тысячи грузовых кораблей. В те времена эта задача была практически невыполнима. Кроме всего прочего, адаптация потребовала бы невероятных физических, материальных и моральных усилий. И еще неизвестно было, чем это переселение могло закончиться. Кроме того, планета была обескровлена как внутренними войнами, так и энергетической борьбой с Черным Коловоротом. И тогда Совет Посвященных принял решение искать планету донора для пополнения запасов тирсия. Это было единственно обоснованное решение. Такая планета нашлась, что и позволило восстановить и даже удвоить запасы тирсия. И до сего дня мы пополняем его запасы благодаря необитаемому Иргину.

Сегодня над нашей планетой нависла другая опасность. На Таговею кончаются природные запасы аурума, а без него, как вам известно, так же, как и без тирсия, жизнь на нашей планете невозможна. Соли аурума в реакции с тирсием входят в состав нашей атмосферы и, самое главное, воды. Ученые подсчитали, что их едва хватит на 5000 лет. В планетарном масштабе это мизер. Мы, как государственные мужи, обязаны думать о потомках. И сегодня перед нами стоит та же дилемма: переселять все население Таговеи на необитаемую планету, или искать планету-донора.

– Мне кажется, что тут не приходится думать. История сама подсказывает нам решение, – высказался Фиптис. – Необходимо посылать разведчиков на поиски планеты-донора с запасами аурума...

– Могу вас обрадовать, наши разведчики уже нашли такую планету. Залежи аурума на ней превышают наши потребности стократ и даже более. Но вся проблема в том, что планета HPQ50367, назовем ее предположительно Земля, находится почти в эмбриональном состоянии. И, несмотря на это, по мнению ученых, на ней уже существуют зачатки разумной жизни.

– Поясните, в чем конкретно это отражается, и на каком этапе общее развитие? – поинтересовался Горвий.

– Вы можете сами просмотреть полученный материал.

Свет в зале погас, и по всей сфере купола от самого пола, пошла объемная стереофоническая видеозапись. Ощущение было такое, словно не по реликтовым лесам с диким ревом бродили саблезубые тигры, носороги, волки и другие дикие животные, а в самом зале, среди кресел с Посвященными. Фауна же неизвестной планеты была настолько богата и первозданна, что лучи дневного светила с трудом пробивались сквозь крону многовековых деревьев. В небе парили огромные птицы, а по ветвям заросших лесов в поисках пищи сновали обезьяны...

– А где же мыслящие существа?

– В прямом смысле этого слова наши разведчики не обнаружили их...

– Так о каких же зачатках разумной жизни вы говорите? – удивились многие из Посвященных.

– Минуту терпения, – Правитель внимательно взгляделся в изображение, – вот, обратите внимание.

Движением руки он остановил изображение, увеличив один из кадров. Из темной не то норы, не то пещеры на Посвященных маленькими злобными темными глазами, на густо заросшей волосами морде, глядело непонятное животное. Во всем его облике была видна явная агрессия: по-звериному оскаленный рот, угрожающе вздыбленная на загривке шерсть.

– Ничего особенного, – пожал плечами Горвий. – Обычный *primatus*.

– Нет, скорее *homo primatus*. – Возразил Правитель. – Вот, взгляните...

Показ, остановленный Правителем, продолжился. Все внимательно всматривались в непонятное животное. Оно, злобно рыча, выскочило из своего укрытия. Но выскочило на двух ногах. И что самое удивительное, в верхних конечностях у него была огромная палка. Правитель опять остановил показ.

– Вы видите? – Он еще более увеличил кадр. Над Посвященными нависла увеличенная в стократ огромная палка животного, на конце которой подобием кожаного шнурка был привязан остро отточенный камень.

– Да, тут есть над чем подумать, – в раздумье произнес Фомикий. – Так сказать, налицо первые зачатки разума. А есть какие-либо более глубокие исследования по этим *homo primatus*?

– К сожалению, нашим ученым пока не удалось в полной мере провести исследования. Эти особи крайне агрессивны и осторожны. Удалось только выяснить, что *homo primatus* обитают большими стаями, враждебны к другим обитателям планеты, всеядны, охотятся с помощью орудий, одно из которых вы только что наблюдали. Кроме того, спят они уже не как животные – в позе эмбриона, а навзничь, что не присуще диким животным. Однако наши биологи считают, что адаптация к среде обитания, у них идет скорее на уровне рефлексов, чем мозговой деятельности. Этим вызвана и чрезмерная волосатость – реакция организмов на планетарное похолодание. Но, вот и еще один факт эволюции, – Правитель опять увеличил кадр, но уже в другой плоскости.

– Вот, обратите внимание, на задних лапах у этих приматов уже полностью сформированные ступни, а не кисти. Причем, довольно огрубевшие. Это говорит о том, что они уже практически не пользуются задними конечностями для хватания, используя их только для прямохождения. Передними же конечностями они рвут плоды, устраивают себе что-то типа лого-

вища, и, самое главное, отбиваются от нападающих зверей, используя при этом уже палки, приспособленные под оружие защиты или нападения.

– Ну, это еще ни о чем не говорит. – Возразил Горвий. – Это может быть всего лишь приобретенный рефлекс, как у многих разновидностей обезьяньих.

– А если все-таки зачатки мышления? Потом, я думаю, их нельзя отождествлять с этим классом животных, уже только потому, что у них отсутствуют хвосты.

– Н-да, – задумался Горвий.

– А как у них происходит общение между собой? – поинтересовался Орнас.

– Пока на элементарном уровне: жесты, рычание и какие-то гортанные звуки.

– То есть, речь, как средство общения отсутствует? – спросил Тавирий.

– Мало того, в силу устройства их звукопроизводящего аппарата, все говорит за то, что эти приматы вряд ли когда-нибудь смогут говорить вообще, – добавил Правитель. – Но кто знает, каким путем пойдет эволюция...

– Но это лишний раз доказывает, что это всего лишь один из подвидов *primatus*, и, я думаю, что нет никаких основательных причин откладывать разработку аурума, – безапелляционно заявил Одинас.

– Я бы все-таки советовал не торопиться с выводами. Мне кажется, что это все же разумные существа, хотя и на чрезвычайно низком уровне развития. Имеем ли мы моральное право вмешиваться в ход развития иных форм существования? – Возразил Правитель. – Наше вторжение может нарушить и существенно изменить пути формирования новой, возможно совершенно отличной от нашей, цивилизации. Плюс к этому нельзя не учитывать еще и повышенную радиацию, как следствие развития планеты. И это, несомненно, повлечет за собой неизбежные при добыче ископаемых катаклизмы. Это еще один фактор неизбежного риска для формирования нового гоминида.

– Ну, ни о какой цивилизации, я думаю, речи здесь не может быть! А вот, что касается катаклизмов, к сожалению, это неизбежно. Но что делать? Я думаю, что цель оправдывает средства. Впрочем, позвольте просмотреть спектральный анализ воздуха, воды и почвы этой планеты, – попросил Зеркус.

На стенах купола вместо дикой природы Земли появились многочисленные графики, таблицы, диаграммы. На некоторое время в зале наступила тишина. Посвященные изучали данные о далекой и неведомой планете НРQ50367, ориентировочно названной «Земля».

– Ну что ж, я согласен с уважаемым Зеркусом. – Высказался, наконец, Фомикий, – При таком наборе химических элементов в воде и воздухе, ни о каком развитии цивилизации не может быть и речи. У них отсутствуют главные составляющие для развития мозговой ткани – тирсий и фливин.

– Удивительно, как они вообще дышат этим составом, – поддержал его и Горвий.

– Здесь, уважаемый Горвий, вы не правы. – Возразил Невклеп. – Да, я согласен, в составе воды и атмосферы этой планеты нет тирсия и фливина, но посмотрите, какое удивительное соотношение кислорода и самое главное, водорода! Мы всегда считали, что этот элемент крайне вреден для живых организмов. Но ведь фауна на этой планете вопреки всему уже существует! И судя по отчету, довольно обширная. Я уже не говорю о флоре! Даже на нашей планете нет такого великолепия!

– А присутствие азота в воздухе? Совершенно великолепная комбинация! – поддержал его и Зеркус. – Кстати, а как наши разведчики работают в этих условиях?

– Все они прошли химико-молекулярную подготовку, специализирующую на адаптацию, – доложил Правитель. – Проблем с водой и воздухом у них нет. Все прекрасно адаптировались к местным условиям и климату. Но вот дикие животные...

– А что такое? – заинтересовался Фомикий.

– Их невероятное количество на планете, и они очень досаждают нашим поселенцам. Некоторые из них, как вы только что видели, гигантских размеров, и иногда они даже крушат наши временные поселения.

– Из гравитомидина? – удивился Тавирий. – Это же особостойкое антисейсмическое соединение.

– Увы! Мы апробировали его в наших условиях, не учитывая воздействия подобных животных. Кроме того, животные вытаптывают все наши опытные посева. К сожалению, среди наших первопроходцев есть жертвы. Два таговетянина серьезно пострадали и один случай со смертельным исходом.

– Необходимо принимать срочные меры! – зашумели Посвященные.

– Уже принимаются. Наши первопроходцы приспособляются к местной обстановке. Вокруг поселений приходится рыть глубокие рвы и наполнять их водой. Кроме того, устанавливаются энергозащитные поля. Но с ними в скором времени тоже может возникнуть проблема. Пока орбита Таговеи находится в приближенном состоянии к НРQ50367, с энергоснабжением все в порядке. Но через 12000 лет наша планета начнет удаляться от НРQ50367, и неизбежно возникнет энергодефицит. Впрочем, наши космофизики уже обдумали и эту проблему.

– Каково же решение? – поинтересовался Авикур.

– Перенацелить наземные станции на ближайшие к этой планете звезды-энергоносители. Например, Сириус и Орион.

– Неплохое решение, – одобрил Авикур.

– Но мы отвлеклись от основной темы. Кстати, хочу обратить ваше внимание на то, что из-за защитных энергополей поначалу гибло огромное количество homo primatus. Те же, которые уцелели, в настоящее время даже не приближаются к станциям. И что самое удивительное, их потомство – также. Это еще один аргумент в защиту версии, что это все же разумные существа, хотя, повторюсь, и на низшем уровне развития. Ведь смогли же они додуматься, откуда именно исходит опасность и как-то предупредить своих потомков? Я считаю, что необходимо сохранить эту популяцию.

– Ну, – усмехнулся Одинас, – Это может быть всего лишь выработанный условный рефлекс на опасность. Я все-таки очень сомневаюсь, что этих приматов коснется эволюционный процесс. Слишком большой процент доминанты веса над мозговым составом.

В зале ненадолго воцарилась тишина.

– А если все-таки предположить, что это все же неизвестная нам пока форма развития разумных существ? – засомневался Тавирий. – Мы не можем абсолютизировать свои достижения науки. Еще никем не доказан факт, что все должно развиваться только по законам развития Таговеи, и в этом случае нам действительно не стоит торопиться...

– Тем более что зарождение жизни на этой планете без тирсия и фливина уже свершившийся факт. – Согласился с ним и Хабар. – А наше вмешательство может не только прервать, но и полностью уничтожить формирование новой, неведомой субкультуры.

– Простите, но неужели во всей Вселенной не нашлось ни одной необитаемой планеты с запасами аурума? – недовольно спросил Фиптис.

– Разведчики ищут. Но, к сожалению, – Правитель развел руками, – пока это все, что мы имеем на сегодняшний день. Есть, конечно, несколько планет, но запасы аурума на них настолько мизерны, что наши затраты по добыче никоим образом не оправдаются. Потому я и собрал Совет, что не имею морального права решать судьбу нашей цивилизации, какой бы высокоразвитой она ни была, жертвуя другой...

Споры были бесконечны. Посвященные никак не могли прийти к единому мнению. Одни считали, что спасти цивилизацию необходимо любой ценой, не ожидая, когда отыщется более подходящая планета-донор. Другие – напротив, уповали на разведчиков, убеждали, что надо

и дальше искать другие пути, что время пока еще терпит. Но других путей, похоже, не было. Хирею уже сменило второе светило – Ипатр, когда Седьмой Правитель предложил:

– Ну что ж, мне кажется, наши споры ни к чему не приведут. Думаю, что для принятия решения нам необходимо проголосовать.

Но и голосование ничего не дало. И хоть в хитрости и плутовстве Посвященных никак нельзя было обвинить, но шестеро из них проголосовали за начало разработки аурума на Земле, остальные – против.

«Мудрецы! – мысленно злился Правитель, забыв заблокировать свои мысли. – Опять устроили говорильню на целый день, а всю ответственность, как всегда, свалили на меня». Он вспомнил, как точно такая же ситуация возникла у него много столетий назад, когда он представил на суд Совета свою работу «Пертурбация генного кода в целях роста продолжительности жизни таговетян».

Он всю свою жизнь занимался вопросами биогенетики, и довольно успешно. За что в свое время и был избран в Совет Посвященных, а позднее – назначен Правителем планеты.

Уже будучи Седьмым Правителем, он вынес на обсуждение Совета Посвященных одну из множества своих разработок. Своего рода эликсир молодости. Тогда в Совете также разгорелись бурные споры. Трансформирование гена старения могло отрицательно сказаться на репродуктивной функции погов¹. То есть, увеличивая годы жизни своим согражданам, он обрекал их если не на бесплодность, то, по крайней мере, на малодетность. А закрепление геномодификации вызывало опасение закрепления этого гена в последующих поколениях погов. Но в то время на Таговее очень остро стояла проблема перенаселения планеты, и как следствие этого – грозящий энергетический коллапс, регресс производства, всеобщая нехватка продуктов жизнедеятельности, голод. А вытекающие последствия этого – всенародные возмущения и возможно даже варваризация всего населения планеты. Мнения Посвященных тогда также разделились поровну. Принятие решения, как и сейчас, оставалось за ним одним. И он, понимая, что, в общем-то, это была антигуманная разработка, отметая все личное, и руководствуясь лишь сохранением великой цивилизации, проголосовал «за», решив тем самым судьбу погов. Сейчас все жители планеты проживали в среднем до 2000 лет, но за такую продолжительную жизнь женщины, как правило, рожали лишь одного ребенка. В крайнем случае – двоих.

По удивленным взглядам Посвященных, Правитель догадался о своей оплошности, и, чтобы пресечь неприятные разбирательства, торопливо провозгласил, заканчивая совет:

– Во имя спасения цивилизации погов, приказываю незамедлительно начать разработку аурума на планете Земля.

* * *

К чаю Мария Васильевна принесла тортик. Повод для этого был: вчера она проводила своего любимого племянника на работу в Швецию.

– Милочка, простите меня за бестактность, но я не могу молчать, – накрывая стол к чаепитию, смущенно начала Мария Васильевна, – Вас не настораживает поведение новой девицы?

– Валерии? Вы тоже заметили? – огорчилась Мила.

– Боже мой, да это же невооруженным глазом видно! Откровенная эскалация! Хочу Вас предупредить, дорогая, что в коллективе уже пошла пересуды на эту тему.

– А что я могу с этим поделать? Я сама в таком отчаянии, хоть увольняйся с работы.

– Дорогая моя, увольнение – это не решение проблемы. За мужчин надо бороться. Тем более за таких, как Дмитрий. Вы не пробовали поговорить с Валерией по-женски?

– Ох, Мария Васильевна, о чем вы говорите? Ну, не драться же мне с ней, в самом деле...

¹ Поги- высокоразвитые, разумные существа, населяющие планету Таговея.

Разговор пришлось прервать, так как народ начал подтягиваться на чай.

– Везет же людям, – вздохнула Мила, разливая чай. – Как-то находят работу за границей.

– Милочка, сейчас это элементарно делается. Посидел часок в Интернете, нашел подходящее предложение, послал резюме...

– Так просто? – удивилась Мила.

– Нет, конечно, в финансовом плане нам пришлось поднатужиться, когда Николашу пригласили на собеседование. Ну, ничего, всей семьей собрали денег, слетал. Я думаю, это стоило того. Николаша прошел по конкурсу, и вот теперь, – Мария Васильевна взглянула на часы – да, теперь он уже в Стокгольме.

– И чем он будет заниматься в Швеции? – поинтересовался Альберт Иванович – специалист по мозаике.

– Будет преподавать экологию в университете. – С гордостью ответила Мария Васильевна.

– На русском? – удивилась Мила.

– Почему на русском? Он немного владеет английским. Конечно, сначала будет трудно: параллельно ему придется изучать язык. Ну, я думаю, что со временем все образуется.

– Надо же, казалось бы, такая бесперспективная специальность – экология, а так хорошо устроился, – удивился Дима. Мила толкнула его ногой под столом.

– Это она у нас бесперспективная, – обиженно возразила Мария Васильевна, – а во всем цивилизованном мире ей придают очень большое значение.

– Простите, Мария Васильевна, я не хотел Вас обидеть, – смутился Дима за свою бестактность.

Вечером Мила залезла в Интернет. «Может и нам удастся найти какую-нибудь работу за кордоном. А что? Отличный выход из моего положения. Заодно и на квартиру бы заработали»

Предложений по их профилю было немного. В основном мелкая реставрация картин, частных коллекций, антиквариата в Малайзии, и Италии. Но одно предложение заинтересовало Милу больше других. Реставрация старинного средневекового замка в Шотландии, в небольшом городке Данди на берегу Северного моря. Мила заполнила прилагающуюся анкету за себя и за Димку, просто так, не особенно рассчитывая на успех. Но чем черт не шутит, когда Бог спит. Вдруг повезет. Димке она решила пока ничего не говорить, чтобы не спугнуть удачу. И, честно говоря, очень удивилась, когда через неделю обнаружила в своей почте ответ.

– Дим! Дима, иди скорее сюда!

– Что такое? Компьютер сломался?

– Смотри, – кивнула головой на монитор Мила.

– Ничего не понимаю, – признался Дима. – Реклама, что ли? Да еще на английском...

– Какая реклама? Помнишь, Мария Васильевна проводы племянника в Швецию отмечала?

– Ну, помню.

– Я тогда спросила ее, как племянник нашел работу за границей.

– Ну?

– Вот тебе и ну. Пришла домой и сделала то же самое. Теперь пришел ответ на наши резюме. Я и за тебя написала, думаю, ты не против? Вот, теперь нас с тобой приглашают на работу по реставрации средневекового замка, предположительно 14–15 век, неподалеку от города Данди в Шотландии, на побережье Северного моря. – Прочитала Мила.

– А почему Шотландия, а, скажем, не Америка?

– Да ладно тебе. Шотландия, конечно, не Америка, но, в общем, тоже неплохие перспективы, мне кажется. Представляешь, замок с привидениями? Романтика! В последнее время

они стали очень модными. А потом, это пока единственные работодатели, кто ответил на наши резюме.

– А ты еще куда-то рассылала?

– Ну да. Там еще Италия была и Малайзия. Но они почему-то молчат. Наверное, не нуждаются в наших услугах.

– Ну, Малайзия меня мало прельщает, честно говоря, а вот в Италию я бы со всем своим удовольствием. Тепло, море... – мечтательно закатил глаза Димка.

– Размечтался, – фыркнула Мила. – Ладно, ты мне лучше скажи, отвечать будем или нет? Ты вообще как на эту перспективу смотришь?

– Вообще, мне нравится твоя смелость и находчивость, но, может быть, подождем ответа из Италии?

– Дим, ну я тебя серьезно спрашиваю.

– Ну что, в принципе, я не против. Но, может быть, не стоит торопиться? Надо это все как-то обмозговать. А к тому времени, может и Италия откликнется.

– Ага, это у нас называется за двумя зайцами гоняться.

– Ты так думаешь?

– Да, я так думаю. Куй, как говорится, железо, не отходя от кассы.

– Нет, ну я так не могу. – Закапризничал Дима. – Ты мне просто как снег на голову выпала эту новость, и хочешь, чтобы я тебе вот так прямо сразу и сказал «О, йесс!!!»? Дай хоть полчаса мозгами пошевелить. Это же все-таки не к родителям в отпуск съездить. Кстати, а что эти шотландцы предлагают?

– Пока ничего. Пишут только, если мы согласны, то они пришлют вызов на собеседование, где и будут обговариваться все пункты договора.

– Короче говоря, берем кота в мешке?

– Ну почему же? Полетишь на собеседование, там тебе все подробно и расскажут. Короче, я пишу, что согласны, да? В принципе ведь мы же всегда сможем отказаться, пока договор не подписали.

– Стой!!! – Перепугался Димка. – Какое согласие? Где мы с тобой денег возьмем, чтобы на собеседование полететь?

– Найдем, – заверила его Мила. – Я уже кое-что придумала.

– Так кроме этого, надо еще и загранпаспорта оформлять, – не сдавался Дима.

– Да, с этим придется поторопиться. А еще и на курсы английского походить. – Согласилась Мила. – Завтра же и начнем...

* * *

Люське снился виновник всех ее бед и радостей – кот Василий. За своими переживаниями и заботами она забыла про него. Он, как и все коты, был гуленой, и, конечно, и раньше случалось, что пропадал на день или два. Потом приходил, ластился, уверял, что лучше ее никого на всем белом свете нет... Но так надолго он еще ни разу не пропадал. У Люськи, если честно, были причины для беспокойства. Один мужик из пятого цеха забавы ради приучил Василия к валерьянке, и частенько таскал ему пузырьки с зельем. С каждым таким пузырьком у Васьки начинался запой. Люська устраивала ему скандалы, стыдила, грозила бросить. Но Василия никакие угрозы не останавливали. Как унюхает валерьянку, затрясется, и такой подхалимски-любезный становится, мурлычет, аж извивается весь. Мужичку этому каждый пальчик готов облизать. А как налижется этой гадости – вообще дурак дураком становится! Валяется в грязи и масле. Или на стенку начинает прыгать, как идиот! А вообще-то, неплохой кот, не хуже других. А уж красавец, каких еще поискать нужно! Здоровущий, дымчатый, с плотно набитой плюшевой шерстью. Глазищи огромные, желтые, с поволокой. А усы! У Люськи внутри сладко

зануло при воспоминании, как он щекочет ей ушки этими самыми усищами. Ни одна кошка от такого кота не отказалась бы.

«Эх, даже радостью поделиться не с кем... Неужели опять с Марцеллкой спутался? Ох, узнаю, волосенки-то ей повыведргаю, потреплю ее рыжую шубку. И Ваське морду расцарапаю так, чтобы ни одна кошка на него не глянула. Ну, дождешься ты у меня, русский голубой...», – распаляла себя Люська.

Она облизала котенка, подтолкнув к соску, и, свернувшись клубком, загородила от кошачьих невзгод. «Все, успокоилась, – взяла она себя в лапы. – Ну, его к псам собачьим, этого гуляку и пьяницу! Что я себе, нормального кота не найду? Да я еще всем этим рыжим профурсеткам фору дам! Он еще у меня в лапах валяться будет!»

Ранним утром, когда сквозь закопченные стекла едва-едва пробивался тусклый зимний рассвет, к Люське в коробку заглянул толстый и лохматый черный котик – полуперс Маркиз. Он был не из заводских. Проживал в ближайшем доме через забор, и частенько мотался по цехам. Жил он у директора завода, а вел себя так, словно сам был директором. Всех заводских он считал жалкими побирушками и быдлом, за что все кошачье население завода не любило его. И надо же было так случиться, что этот ухоженный и откормленный котик зашел на Люську. Он давно и тщетно домогался ее. Не приглянулся он Люське, да и Василий, учуяв в нем соперника, ненавидел Маркиза лютой ненавистью, с упорством гоня с заводской территории.

– П-ш-ш-шел вон! – зашипела на него Люська из коробки. – Чего приперся?

– Да ладно, ладно, не шипи, не испугаеш-ш-шь, – ухмыльнулся Маркиз. – Не трону я твоего детеныша. Не за тем пришел. Выйди, Люсь, поговорить надо.

– Не о чем мне с тобой разговаривать, – Люська из коробки мазнула ему лапой по морде.

Маркиз отскочил на безопасное расстояние, пошипел для острастки, а потом опять забубнил свое:

– Люсь, ну выйди! Правда, поговорить надо.

– И слуш-ш-ш-ать не ж-ж-желаю, – шипела на него из коробки Люська.

– Да выйди что ли, что скаж-ж-жу, – терял терпение Маркиз, повышая голос.

Люська выскочила из коробки и заорала на весь цех, разбудив Володьку.

– Брысь отсюда! – заорал и Володька. – Зима на дворе, а они шляются! Покоя от вас нет!

Видя, что кот отбежал, но и не думает уходить, Володька нашел какую-то железяку и запустил ею в Маркиза. Попадание было точным. Кот, взыв от боли и прижав уши, помчался к лазейке.

Но через час заявился опять. Словно ждал, когда Володька пойдет открывать ворота. Рассчитывать теперь Люське приходилось только на себя. Люська шипела на него из коробки, а сама лихорадочно думала: «Кричать – бесполезно. Володька в другом конце цеха. Придется драться с этим уродом». Разжатой пружиной Люська вылетела из коробки и с истерическим воплем ринулась в бой. Но Маркиз и не собирался драться. Он ловко уворачивался от ее атак, но и не убегал далеко. Люська орала, что было мочи, кидаясь на Маркиза, а он только ухмылялся, отбегая в сторону, и твердил свое:

– Да не ори ты! Давай лучше поговорим...

Люська устала, и решила пойти на хитрость: завязать разговор, чтобы хоть немного передохнуть.

– Ну ладно, говори, – снизошла Люська.

– Предлагаю лапу и сердце!

– Эту песню я уж-ж-же слыш-ш-шала, – зло прошипела Люська в ответ. – Ничего нового не придумал?

– Не перебивай, – шикнул на нее Маркиз. – Ну, с-с-сама подумай, з-з-зачем тебе этот бабник и пьяница? – шипел Маркиз.

– По мне – лучше пьяный русский голубой, чем трезвый перс! – злобно проорала Люська.
– О! Да ты националистка! – удивился Маркиз.
– От такого же слышу!
– А что такого я сказал? – опешил Маркиз.
– Как русский голубой, так сразу – пьяница? Можно подумать, что среди вас, персов не бывает валерьяночников?! – уже истерически вопила Люська.
– Да кто же не знает, что твой Василий больш-ш-шой любитель выпить? А что он еще и гуляка, так об этом тебе самой лучше всех известно!
– Сам дурак!!! – задетая за самое больное, угрожающе выгнула спину Люська.
– Люс-с-ся! Не з-з-ли меня лучш-ш-ше! – вызверился Маркиз. – Мое терпение не ж-ж-ж-железное!

Разговор грозил вот-вот перерасти в побоище.

– Подушка диванная!!! Директорский прихлебатель! – по-бабьи истерически вопила Люська.

Этого Маркиз не выдержал и накинулся на нее, чтобы поставить на место эту охамевшую, но красивую и в гневе кошку. Как-никак с котом все же разговаривает! Люська, презрев всякую субординацию полов, не уступала Маркизу. Они клубком катались по цеху, шипя, рыча и царапая друг другу морды. Шерсть летела клочьями.

– Вот ведь ирод проклятый! – прибыла, наконец, помощь в лице Володьки.– Ну, нигде от него покоя нет! Везде успевает! – Володька опять запустил чем-то в Маркиза, от чего тот моментально скрылся.

Маркиз, как у себя дома, хозяйничал во всех квартирах первого этажа, словно его никогда не кормили. Нахально гонял соседских котов и даже собак, за что и сам не раз бывал бит. Доказательством чему были рваное ухо и многочисленные, не зарастающие шерстью, шрамы на морде. Одним словом, вел себя, как обычный, блудливый кот, а не породистый ленивый перс.

– Вчера со стола кусок колбасы спер, так еще и на заводе покоя от него нет! – Ворчал Володька.

А Маркиз гортанно выл под окнами цеха:

– Люська! Выходи! Твой Васька, если и выживет, то калекой останется...

– Ты посмотри, какой настырный! – возмущался сторож. – Его в дверь, он – в окно!

Люська, услышав странную фразу про Василия, опрометью бросилась на улицу.

– Ты куда? Вот дурища-то! Люсь-Люсь-Люсь! – напрасно звал ее Володька.

– Ты что такое сейчас сказал? – спросила Люська, замирая от предчувствия чего-то страшного.

– А ты чё, не знаешь ничего? Ну, ты даешь! – удивился Маркиз.

– А что я должна знать? – допытывалась Люська.

– Ну, Люсь, ты меня удивляешь! Про своего разлюбезного узнаешь самая последняя! Весь завод знает, одна ты..., – глумился Маркиз.

– Ты скажеш-ш-шь, или нет? – Люська грозно поднялась на цыпочки, злобно напыжилась шубкой и хвостом, и боком-боком наступала на Маркиза.

– Ладно, ладно, не пыжься. – Мирно промяукал Маркиз. – Ваську твоего по пьянке болванкой в цеху придавило. Последние денечки доживает.

– Как? – чуть дыша, выдохнула Люська.

– Да так! Нажрался, как всегда, валерьянки, и начал выкобениваться: прыгал-прыгал, как козел, сиганул на какую-то болванку, не удержался на ней, а она на него сверху и брякнулась! Как раз по задним лапам угодила. Так что, не жилец твой Васька...

– Когда? – ахнула Люська.

– Да уже пятый день валяется...

«Так вот почему он не приходил так долго! А я-то, дура, еще ревновала его».

– Ты Люсь, слышь, не будь душой-то. Я верным буду, не то, что твой Василий. Слово кота! – уговаривал ее Маркиз. – Мне, Люсь, глаза твои очень нравятся. Ни у кого таких нет. Мне они даже снятся... – все ближе подбирался к ней Маркиз.

У Люськи и вправду были необыкновенные ярко-зеленные глаза. Не глаза, а два сверкающих изумруда!

– Да, п-ш-ш-шел ты! – зло прошипела Люська.

Сватовство опять не задалось.

«И чего привязался, гад чермордый! – с досадой думала Люська. – Ох, Вася-Васенька... Как-то он там, мой родной? Завтра ночью обязательно к нему сбегая»

ГЛАВА 3

После очередного инспекционного полета на Землю Правитель позволил себе немного отдохнуть. Они с Иразидой на два дня отправились в самое отдаленное место Таговеи. Там, на берегу океана у них была своя «хижина», построенная еще в самом начале их счастливой семейной жизни. Такие блаженные, безоблачные дни в суетной жизни Правителя выпадали крайне редко, поэтому они не взяли с собой сына, Демонда, чтобы полнее насладиться своим райским уединением. Да сыну уже неинтересно было с ними. У него начиналась своя, взрослая жизнь. Он заканчивал обучение в академии по специальности «биогенетика», так же, как отец и мать, и подавал очень большие надежды.

Море тяжело плескалось у ног Правителя. Вода от высокого содержания тирсия была фиолетовой и тягучей, как сироп. Он с грустью смотрел на Иразиду, выходящую из морской пены. Она все еще была стройна и ослепительно красива, хотя дыхание времени незримо коснулось ее. Это и мучило Правителя более всего. Он еще не достиг минимального уровня омоложения – 100 лет, а тело Иразиды продолжало бег времени в другой плоскости. Наверное, это была его последняя, вполне осознанная любовь. Любовь даже не сердцем, а скорее разумом. Он любил и первых двух своих жен, отошедших в мир иной, но ни к одной из них он не испытывал тех чувств, какие питал к Иразиде. Она стала для него всем: любимой женщиной, матерью его сына, другом и единомышленником в науке. Возможно, это был последний всполох его чувств. А возможно, между ними было такое душевное слияние, когда счастье рождается не от бесконечного созерцания друг друга, а оттого, что оба смотрят в одну сторону. Иразида в молодости даже провела на себе первые испытания по пертурбации генного кода, несмотря на то, что он был категорически против.

Они были настолько близки, что Правитель не мог прожить без тепла ее рук, без сияния глаз, без звука голоса ни одного дня. Это было абсолютное духовное слияние, и от этого единства, Правителю с каждым днем становилось все горше и горше.

– О чем загрустил, мой Правитель? – прикинув к нему влажным прохладным телом, спросила Иразида. – Опять о Земле думаешь?

– Да, не выходит она у меня из головы. Наверное, все-таки зря я согласился на разработку золота.

– Ну почему же зря? Первые транспортные корабли уже пришли на Таговею. Запасы золота пополнены. Так что же тебя мучает?

– Нельзя было начинать разработку на планете, где возникла живая субстанция.

– Но ведь ничего страшного не произошло?

– Как раз напротив. Мы не располагали рабочей силой в нужном количестве, да и время поджимало. И совершенно игнорируя начальную стадию формирования планеты, решили начать добычу золота самым примитивным методом: вскрыть залежи пород взрывом. Но из-за повышенной радиации взрыв получился такой силы, что на планете сдвинулись полюса. Льды, покрывающие их, сместились. Кроме того, реакцией на взрыв послужили и многочисленные извержения вулканов, пепел которых многокилометровым слоем закрыл атмосферу от солнечных лучей. И как следствие всех этих катаклизмов началось резкое похолодание. Многие виды животных безвозвратно погибли.

– А *homo primatus*?

– Ты знаешь, как ни странно, они выжили. Правда, лишь единичные экземпляры. Но странно, что те, которые выжили, очень быстро адаптировались к новым условиям. Такое впечатление, что катаклизмы пошли им только на пользу. Они начали обрабатывать шкуры убитых животных и шить какое-то подобие одежды. Мало того, мы показали одному из этих

индивидов, как простейшим образом добывать огонь, и он это понял! Теперь они даже утепляют свои жилища!

– То есть обледенение планеты послужило толчком для их дальнейшего развития? – удивилась Иразида.

– Выходит, так. – Согласился Правитель.

– Если все так прекрасно складывается, что же тебя гнетет?

– Видишь ли, самое страшное еще впереди. Пока атмосфера закрыта для проникновения солнечных лучей, на планете сохранится ледниковый период. Но когда пепел и пыль рассеются, тогда начнется интенсивное таяние ледников, сошедших с полюсов.

– То есть наводнения?

– Наводнения, это слишком мягко сказано в данной ситуации. Настоящий потоп! По подсчетам ученых уровень воды должен подняться на 100—200 метров. А это означает, что все живое на Земле уйдет под воду. И что останется после наводнения – вопрос. Скорее всего – безжизненная пустыня. Сможет выжить только флора, да и та не вся. Все, что эта планета миллиарды лет старательно создавала, погибнет. Если бы не мой приказ начать срочную разработку...

– Не терзай себя. Из двух зол выбирают меньшее. Может быть, ко времени прогнозируемых наводнений наши ученые придумают, как спасти фауну Земли. На сегодня главное, что ты спас Таговею.

– Да в том то и дело, что из-за непредвиденных катастроф мы не смогли вывезти больших запасов. Максимум на 200—300 лет. И дальнейшую добычу продолжать не можем. Все работы приостановлены на неопределенное время.

– Почему?

– Прежним способом добывать категорически нельзя. Это грозит полным уничтожением всей планеты. А для более гуманных способов, у нас не хватает рабочих рук. И в этом, увы, тоже повинен я. Ты сама знаешь, что население Таговеи сократилось пропорционально увеличению продолжительности жизни. Трудовых ресурсов для такого грандиозного проекта у нас просто-напросто нет.

– Послушай, а если привлечь к добыче аурума приматов? – предположила Иразида.

– Пытались. Но они пока находятся на такой примитивной стадии, что кроме охоты и рыболовства ни к чему более серьезному не пригодны. Чисто животные инстинкты: выживание и размножение. Не поддаются никакому обучению. Так, что, дорогая, мне кажется, что в недалеком будущем меня ожидает позорная отставка. Я стану первым Правителем Таговеи, отправленным на отдых не по завершении своих жизненных ресурсов, а из-за того, что не смог справиться с проблемами планеты.

– Нет, мне кажется, из любой ситуации должен быть выход. – Загорячилась Иразида. – Мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем.

– Единственное, что может меня спасти, если разведчики найдут во Вселенной планету с приемлемыми запасами аурума. Только на это чудо я и уповаю.

– Ну, дорогой, нельзя так отчаиваться. Нужно искать какое-то решение. – Не сдавалась Иразида.

– Хорошо, – улыбнулся Правитель, – будем искать. А пока, моя повелительница, неплохо было бы перекусить. Как ты считаешь?

Они собрали вещи, и босиком по влажному песку направились к «хижине», как они называли свой небольшой домик. Это куполообразное строение из прозрачного и прочного гравитомидина назвать хижинкой было сложно. Она напоминала скорее огромный ледяной колокол. Внутреннее убранство не блистало роскошью: вся мебель, такая же прозрачная, была вделана в стены и полы, освобождая пространство, и функционируя по мере надобности. Пустующий

зал сейчас превратился в столовую: из-под пола в самом центре бесшумно выдвинулся стол со стульями, образуя столовую.

В просторную светлую комнату, где расположились супруги, биороботы бесшумно вкатили столик, уставленный тарелками с дымящимся мясом, фруктами, напитками и пр. Верховный Кодекс планеты запрещал использовать труд погов любого статуса на унижающих их достоинство работах, и потому на Таговее уже многие тысячелетия вся работа по сервису была возложена на биороботов. Пока роботы колдовали над сервировкой стола, ловко орудуя своими ручками-щупальцами, Иразида с интересом, словно первый раз их видела, наблюдала за ними.

– А если к добыче золота подключить биороботов? – Спросила она, когда те бесшумно укатились на своих ножках-роликах.

– Ученые работают над этим. Но слишком большие затраты средств и времени. Пока эта идея не оправдывает себя.

– Времени? – удивилась Иразида.

– Ну да. Ты забыла про прогнозируемое наводнение? Ну, все, довольно об этом. Давай поговорим о чем-нибудь приятном...

Среди ночи, когда Правитель безмятежно спал, его разбудила Иразида:

– Послушай, Богур, что я придумала, – тормошила она его.

От неожиданности Правитель мгновенно проснулся. И это было как раз вовремя. Ему снилась мать. Она нежно звала его по имени, совсем, как в детстве:

– Богур, Богур! – ласково протягивая к нему руки.

У таговетян было запрещено долгое скорбение над умершими. И это вовсе не от душевной черствости. Просто сила мозговой деятельности, усиленной воздействием тирсия, породила магнетические способности у всех погов без исключения, и была способна материализовать души умерших. И чем выше была организация мозга, тем проще это делалось. Потому до некоторого времени по Таговее бродили сонмы неприкаянных душ, вырванных из власти Космического Разума, разнося вокруг себя отрицательные флюиды, сводя на нет работоспособность живых и сея панику, безысходность и психические расстройства. Понадобилось ни одно тысячелетие агитационной борьбы с этим явлением. Мало помогали даже инъекции и напитки забвения, пока, наконец, не был принят Указ очередного Правителя о категорическом запрещении вызывания душ умерших. За это грозило самое строгое наказание на планете – стерилизация мозга. В результате этой экзекуции стиралась память и, как следствие этого – утрата многих сверхъестественных способностей, что весьма осложняло жизнь на Таговее. Время и Указ сделали свое дело: теперь таговетяне даже во сне опасались прихода своих умерших родственников.

С тех самых пор, как его избрали Правителем Таговеи, его никто не называл по имени. Считалось, что это неуважительно и несколько фамильярно. Даже Иразида сначала в шутку, а потом привычно стала называть его «мой Правитель». Он, если честно, даже стал подзабывать свое имя.

– Послушай, дорогой, у меня возникла идея...

– Ты о чем? – отгоняя сон, – спросил Правитель.

– Ты же говорил о нехватке рабочей силы? Вот я и подумала: а что если попробовать вывести гибрид *Homo sapiens*?

– Каким образом?

– Путем оплодотворения яйцеклетки самки *homo primateus* сперматозоидным рядом погов.

– Ты думаешь, это что-то даст?

– Пока не знаю, но считаю, что обязательно нужно попробовать. Ты понимаешь, – горячилась Иразида, – чем примитивнее особи, тем быстрее они размножаются. Их ускоренные темпы

размножения плюс наши генетические возможности... Нет, из этого положительно должно что-то выйти.

– Возможно, ты и права, – задумался Правитель. – Жаль только, что у меня нет времени самому заняться этой работой. Мы бы с тобой...

– А ты знаешь, – перебила его Иразида, – я думаю, что мы с Демондом вполне справились бы с этой задачей. Для него это было бы неплохой практикой. А ты можешь просто контролировать ход исследований.

– Слушай, Иразида, а ведь это совсем неплохая идея!

И они принялись обсуждать все детали предстоящего опытного проекта.

* * *

Сбежать к Василию Люське удалось только недели через три. Днем в цеху люди, не оставив же котенка без присмотра. Ночью тоже не высунуться – Маркиз вокруг цеха круги нарежет. А потом вдруг резко пропал куда-то, как в воду канул. Это даже задело Люськино самолюбие. «Ну, и где его любовь? – с обидой думала она – Все вы, коты...» Но зато она смогла, наконец, навестить Василия.

Морозец на улице был не сильный – близился март. Но после теплого цеха Люське было зябко, да еще и лапы на гололеде подмерзли. К пятому цеху, самому удаленному на территории завода, вели две дороги. Одна, короткая, но опасная – мимо третьего цеха, где жили две противные собаки. Другая – безопасная, но длинная – в обход седьмого и восьмого цехов. «Пойду напрямую. – Решила Люська. – Может, в третьем цеху уже никого нет, тогда эти шавки и носа не высунут на улицу. Это они только при людях храбрые». Но там, как на грех, еще работали. Стоило Люське подойти к воротам, как тут же, словно по команде, из открытой калитки выскочили два пса-мутанта. «Придется лезть на крышу», – уныло подумала Люська. Первым выкатился маленький и злощип Кай – помесь таксы с болонкой и забрехал на Люську:

– Здесь частное владение! Проваливай! Проваливай!

Следом за ним степенно выплыла огромная Герда – помесь овчарки с догом и лениво поддержала своего дружка:

– Вон! Вон! Вон отсюда!

В другое время Люська бы не промолчала, нашла бы, что ответить этим пустобрехам, но сейчас ей было не до них. Она только зло подумала: «Владельцы нашлись! Что же вы молчите про свои владения, когда в цеху никого нет? Выслуживаться не перед кем, подхалимы?» Люська с царственным достоинством вспрыгнула на дуб, росший рядом с цехом. По его веткам, раскинувшимся шатром, перебралась на крышу гаража, а с нее – на крышу цеха. Собаки внизу бесновались от злобы, заходясь в истошном лае. Но Люська не обращала на них внимания. Она не раз ходила этой дорогой, и прекрасно понимала, что здесь, на крыше, она не досягаема. Идти по округлой крыше цеха-ангара было скользко: крыша обледенела, когти скользили по льду и железу. Люська с трудом переползла через крышу и спрыгнула во двор столовой, разделяющий два цеха: третий и пятый, куда и надо было попасть Люське.

На пороге столовского подвала сидели две белые, разжиревшие кошки. Их звали Фрося и Тося, только Люська путала, которая из них кто. Эти две толстые тетехи так расплзлись на кухонной халяве, что ни один заводской кот не смотрел в их сторону.

– Никак, к своему, бежишь? – участливо поинтересовалась то ли Тося, то Фрося.

– Угу, – только кивнула головой Люська.

«Сплетницы, все-то им надо знать!» – с досадой подумала она. Пятый цех уже был закрыт, но Люська знала заветную лазейку: ни один раз приходилось контролировать своего благоверного. Василия она нашла на его лежанке за токарным станком под отопительной трубой.

– Васенька-а-а! Ми-и-ильй ты мой! – запричитала она, увидев его, распластанного на подстилке. – Что же ты с собой сотворил! Говорила ведь тебе, что эта проклятая валерьянка до добра не доведет!

И Люська принялась облизывать давно не мытую Васькину морду.

– Хватит тебе! – отбивался от нее Василий, мотая шеей. – Видишь, живой! Все будет нормально. Еще денька три поваляюсь и встану на лапы. Я же не какой-то там изнеженный британец, или Сиам. Я – русский голубой! Помнишь, сама говорила, что мы – самая выносливая порода. Ну, будет-будет тебе. Ты лучше о себе расскажи. Смотрю, окотилась?

– Четыре котеночка! – радостно похвалилась Люська. – Три кошечки, и один кот. Ну, вылитый ты, Вась. А я все думаю, чего это ты не идешь и не идешь...

– Всех утопили? – мрачно поинтересовался Василий.

– Нет, Вась, представляешь, Володька решил кота себе оставить! Говорит, домой заберет.

– Да ты что?! – удивился и обрадовался Василий. – Ну, Володька, ну, мужик! Уважаю! А что, говоришь, на меня похож?

– Как две капли воды, – мурлыкала счастливая Люська. – И ушки твои, и хвостик твой, и носик твой, и такой же голубенький, как ты и я...

– А как назвал?

– Барсиком называет.

– Хорошее имя, кошачье. Вырастет – Барсом станет.

Люська, соскучившись по Василию, ласково терлась об него.

– Постой-ка, – прервал ее радостное мурлыканье Василий. – А ты от кого узнала про меня? Я вроде бы всех предупреждал, чтобы тебе ничего не говорили.

Люська смешалась. Сказать Василию, что ей рассказал Маркиз, только расстроить больного Василия. Нет, это будет удар по его самолюбию. Уж лучше промолчать.

– Ой, Вась, что это мы все про меня, да про меня? Ты лучше скажи, что у тебя с лапами? Шевелить ими можешь? – суетливо забеспокоилась Люська.

– Да, шевелятся немного. Не переживай, все заживет, как на коте. Так кто тебе сказал про меня, спрашиваю? Ты чего юлишь-то, Люсь? – допытывался Василий.

– Ой, подожди-ка, Вась, – отвлекая его от неприятной темы, мурлыкала Люська, – у тебя вот тут вот, за ухом, какое-то грязное пятнышко...

– Ты скажешь, или нет? – рыкнул на нее Василий.

– А чего сказать-то, Вась? – прикинулась дурочкой Люська.

– Кто тебе про меня рассказал, спраш-ш-шиваю? – уже злился Василий.

– Так Фрося и Тося. Ты же знаешь, они все заводские новости вперед всех узнают...

– Не ври! Чермордый приходил? Он один только все видел. Случайно мимо цеха пробежал. Он доложил, больше некому, – уже уверенно заявил Василий.

– И не черномордый вовсе, а рыжая профурсетка из восьмого цеха. Марцеллочка твоя разлюбезная, – обиженно сказала Люська.

– Ну, чего ты завелась? – виновато начал оправдываться Василий. – Какая она моя? Сто раз уже тебе говорил, что не было у меня с ней ничего, а ты опять за свое.

– Ну, конечно, не было у него с ней ничего! То-то в восьмом цеху серый котенок бегают – копия ты, – съязвила Люська.

– У тебя, Люсь, между прочим, тоже почти в каждом приплоде один бело-рыжий котенок проскакивает. Это как понимать, а?

– Так это, наверное, гены от бабушек и дедушек... – смешалась Люська, а сама подумала «И откуда ему это известно? Ведь Володька сразу же всех топит».

– Ну, вот и будем считать, что у Марцеллки тоже от бабушек и дедушек. И давай, Люсь, больше не будем на эту тему, а? Ну, Кисонька моя, иди поближе, я тебя хоть за ушко покусая.

– Да ну тебя, сам весь больной, а все туда же, – смущенно мурлыкала Люська, подползая к Василию поближе.

– Так это у меня только задние конечности болят, а все остальное – в полном ажуре, можешь сама проверить, – смеялся Василий. – А что это у тебя клок выдран? – резко прервав смех, с подозрением спросил он.

– Где? Где выдран? – забеспокоилась Люська.

– Да вот, за ухом, почти на самой холке. Э-э-э! Да у тебя тут разодрано чуть не до мяса!

– А-а-а! – беззаботно врала Люська. – Это я через третий цех к тебе бежала, а там Кай с Гердой. Ну, я из-за них через крышу полезла. Скользко, я и свалилась с крыши.

– Ухом за крышу зацепилась, что ли? – съязвил Василий, внимательно разглядывая ее загривок. – Ты ври, ври, да не завирайся! Ну, так и есть – следы от любовных игр! –

Внезапно Василий передними лапами резко повалил ласково прижавшуюся к нему Люську. Намертво придавил к полу.

– А ну признавайся, стерва, уже успела с черномордым спутаться? Ах ты... – от возмущения Василий не находил слов. – Загрызу насмерть! Никого другого не могла найти?... Знаешь, ведь, как я его ненавижу! Все вы бабы, суки... – хрипел от беспомощной злобы и обиды Василий.

– Васенька, отпусти. Я перед тобой, как ангел чиста. Я, между прочим, честь свою защищала, дралась с ним, и ты меня еще обижаешь, – тихо заплакала Люська от незаслуженной обиды.

Ей было так горько и больно, как не бывало даже тогда, когда Володька топил котят.

– Небось, как узнала, что я обезножил, так сразу перекинулась. Знаю я вашу кошачью натуру, – по-прежнему не выпускал Василий Люську из клешней своих лап.

– Да что ты, Васенька, – зывала к его совести Люська. – О чем ты говоришь? Ты же сам знаешь, он давно меня обхаживает. Но я ни разу не поддалась, за то теперь и страдаю, дура!

– Ну, ладно, ладно. Ты уж прости меня, Люсь, – уже винулся перед Люськой Василий, понимая, что перегнул палку. – Ну, что поделаешь, такой уж я ревнивый. Но ты тоже хороша: крутишь-вертишь чего-то. Никакой правды от тебя не добьешься. Тут не знаешь, что и подумать. – Василий, наконец, отпустил Люську.

– Так тебя же, дурачок, жалею, знаю ведь, что с ума сойдешь, если узнаешь, что ко мне черномордый приходил, вот и выкручиваюсь, как могу – вздыхала Люська, вылизывая примятую шубку.

– Ты это, давай-ка, беги к котенку. Наверное, голодный уже...

Василий смотрел на нее, думая о чем-то своем.

– Вот что, Люсь, – решительно сказал он. – Пойдешь сейчас кружным путем.

– Да ну, Вась, так долго. Я лучше опять через третий цех. В крайнем случае, опять через крышу перелезу...

– Ты слушай, что я скажу. Пойдешь через седьмой цех. Там, за седьмым, помойка есть, ну, ты знаешь. Пойдешь к помойке... Только, смотри, близко не подходи, поняла? Издали покличешь Мурзилу Ивановича. Поняла?

– Ой, Вась, да боюсь я этой помойки. Там такие отморозки живут! Днем-то увидишь – испугаешься, а ты меня туда ночью посылаешь. Ты в своем уме? Дитя осиротить хочешь? В кои-то веки мне котеночка оставили...

– Не бойсь! Не сделает он тебе ничего, поняла? Как выйдет Мурзила к тебе, скажешь, что от меня пришла. Он тебя и не тронет. Только не забудь сказать, что это я послал тебя к нему.

– Вась, ты вообще соображаешь, куда меня посылаешь? На погибель! Может, не надо, а? Что ты еще придумал? – отговаривалась Люська.

– Что придумал, то не твоего кошачьего ума дело, тут мужские разборки начинаются. Скажешь этому Мурзиле Ивановичу, но только смотри, очень вежливо и культурно, чтобы все

было. Не вздумай с ним огрызаться, или злить его, поняла? Ну вот, скажешь, что, мол, Василий из пятого цеха, попал в беду и очень просит, чтобы он забежал ко мне на минутку. И всех дел. Да не трясись ты, если бы не моя беда, разве я бы тебя туда послал? Я, если честно, и сам побаиваюсь за тебя. Но ведь ты же у меня умница. Ты справишься. Ну, ладно, давай, беги, а то время позднее, да и малец без тебя измаялся. Только будь осторожней. Да завтра приди обязательно, расскажи, как все обошлось, а то переживать буду.

Люська потерялась о Василия, нежно куснула его за ухо и убежала. Надо было торопиться. Молоко прибыло и казалось, что оно даже капает на снег, оставляя за Люськой сладкий, молочный след.

Место, куда послал Василий Люську, издавна пользовалось дурной славой. В темном углу за седьмым цехом была помойка, разгребаемая только к приезду какой-нибудь комиссии. Но так как в последнее время комиссий по заводам ходило все меньше и меньше, то уже давно никому не было до нее никакого дела. Помойка обрастала списанной мебелью, коробками, ящиками, старыми башмаками, рваной спецодеждой и разным другим заводским хламом. Там обитали кошачьи изгой – низшая каста, которую не допускали в цеха. Настоящие отморозки, которых остерегалось все заводское кошачье население. Вот в это сумрачное место и направилась Люська.

Забежав за седьмой цех, она с опаской, на полусогнутых лапах приблизилась к помойке. Совсем близко подойти побоялась, и издали, чтобы в любой момент можно было удрать, тоненьким, вежливым голосом замяукала:

– Мурзила Иванович! Мурзила Иванович! Будьте добреньки, выйдите на минуточку!

Минуты две все оставалось без движения. Над смрадом помойки зависла ночная тишина. Люська уже про себя вздохнула облегченно: «Наверное, нет тут никого. Так и скажу Василию. Была – никого не застала». Она уже было собралась бежать без оглядки из этого страшного места, как вдруг из-под кучи автомобильных покрышек выполз здоровенный, грязный и ободраный кот без одного уха и половины хвоста. Он весь был всклокоченный и такой замызганный, что невозможно было определить его окрас. За ним из мрака помоечных нагромождений, как тени, материализовались еще пять котов такого же жуткого вида. У Люськи при виде их шерсть встала дыбом и по телу побежали мурашки, заставляя все тело трястись, как в судорогах. А Мурзила Иванович, выползший первым, зевнул и не спеша, подошел к ней.

– Ух, ты, кто к нам пожаловал! – прохрипел он. – Ты что ли звала? Это как же такую кисулю к нашему берегу прибило?

– Я... Я... Я от Василия, – заикаясь от страха, промямлила Люська.

– От какого такого Василия? Не знаю я никакого Василия.

«Вот влипла, так влипла!», – невесело подумала Люська. Едва живая от ужаса, она тряслась, как в лихорадке, только что зубы не стучали. От Мурзилы Ивановича омерзительно несло помойкой, давно не лизанной шерстью, кровью и еще чем-то ужасно противным. Одноухая его рожа вблизи оказалась вся исполосованной шрамами. «Страсть-то какая!» – ужаснулась Люська.

– Василий, с пятого цеха, не помните?

– А-а-а, Васька, что ли? Так бы и говорила, а то «Василий»! А ты кто? Шмара его, что ли?

– Да, – мяукнула в ответ Люська. И на всякий случай уточнила. – Его жена.

– Ну, и чего ему надо, *жена*? – передразнил Мурзила.

– Я не знаю, – чуть не теряя сознание, выдавила Люська. – Он просил Вас зайти к нему. Сказал, что надо о чем-то поговорить, а о чем – не сказал.

– Перетереть, значит? Ладно, забегу наведни, – недовольно буркнул Мурзила Иванович и внимательно пригляделся к Люське. В его тусклых, ничего не выражающих глазах, вдруг загорелся лукавый огонек. – А чего это тебя так трясет а, Киса? – захохотал он, и вплотную придвинулся к Люське, прижав ее своим грязным боком к какой-то размокшей картон-

ной коробке. Вся его молчаливая клокастая свита подступила и встала за его спиной, готовая в любой момент кинуться на Люську.

– Мо-мо-мороз очень холодный, – трепеща всем телом, пробормотала Люська, не в силах шевельнуть ни одной лапой. Страх парализовал ее.

– Так давай я тебя погрею! – утробно захохотал Мурзила Иванович, явно потешаясь над Люськой.

– Ой, мамочка! – взвизгнула Люська, чуть не падая в обморок...

И в этот самый момент за спинами Мурзилиных дружанов послышалась возня, и вслед за этим, расталкивая их, вперед вырвалась такая же страшная и грязная кошка.

– Ах ты, котяра блудливый! – истошно заорала она, увидев, как Мурзила Иванович прижимает Люську. – Ты что удумал?! Уже домой своих шалав водишь? А ты, прошмандовка, подстилка кошачья, тебе что, не известно, чей это кот? Со мной решила тягаться? – шипела она на Люську. – Да я тебе...

И кинулась на Люську. Мурзила Иванович в прыжке, перехватил ее, и мощной лапой прижал к земле:

– Угомонись, Мурка, это не то, что ты подумала, – попытался он урезонить ее.

– А тут и думать ничего не надо! – верещала, извиваясь под Мурзилой Ивановичем, Мурка. – Дураку понятно!

– Да, ты чего, сдурела совсем? Это Васькина шмара. Она по делу ко мне пришла.

– А если по делу, то чего ты зажимаешься с ней? – не утихала Мурка.

– Это... тоже по делу! – хохотнул Мурзила Иванович.

– Ты еще и издеваешься! Я тебе покажу «по делу»! – шипела и рычала Мурка, взбешенная наглой и откровенной неверностью.

– Говорю, по делу, значит, по делу, – разозлился Мурзила Иванович. – Я это... допрос с нее снимал, поняла? И вообще, не мешай мне работать! Уберите ее, – скомандовал он дружанам.

Те накинулись на шипящую Мурку. Шерсть клоками летала над ними. Видно, не хилая была Мурка, если пятеро дюжих котов не могли с ней справиться.

– Ну, шалава, погоди у меня! Я еще доберусь до тебя! – орала Мурка Люське из кучи малы.

Та, воспользовавшись суматохой, бросилась бежать, не разбирая дороги. А вдогонку ей несло:

– Мау-ау-ау-ау!!! – это потешалась над ней банда Мурзилы Ивановича.

На следующую ночь, когда Люська бежала к Василию, из-за угла соседнего цеха прошмыгнула еле заметная в сумерках тень и тут же прилепилась к стене. «Кто это еще? Не Маркиз ли? А может быть и того хуже – Мурка? Как бы мне все объяснить ей? Но ведь она и слушать не захочет...»

Люська остановилась в нерешительности. Но никто не появлялся, и она побежала дальше. Серая, едва различимая тень следовала за ней. Люська остановилась – тень тоже остановилась. И пока Люська бежала до пятого цеха, тень неотступно преследовала ее, а перед самым цехом незаметно растворилась в темноте, словно ее и не было. Люська даже подумала: «Может, показалось?». И вернулась до угла, где растаяла преследовавшая ее тень. Нет, ей не показалось. На недавно выпавшем снегу отчетливо виднелись свежие отпечатки кошачьих лап. «Час от часу не легче!», – расстроилась Люська и опрометью рванула в спасительную темноту цеха.

Василий встретил Люську уже стоя на трех лапах.

– Ну, вот видишь, а ты боялась, что калекой останусь. Ничего нам котам не сделается, – хорохорился он, демонстрируя Люське, как он уже может передвигаться.

– Ну, как сынок? Подрос?

– Ну, Вась, ты даешь! За один день он так и подрос! – рассмеялась счастливо Люська.

– Молока-то хватает? – деловито спросил Василий.

– Хватает. У нас в цеху люди не без понятия, кормят хорошо. Не то, что у тебя...

– А что у меня? У меня тоже хорошие люди работают, кормят...

– Да! Еще и поят всякой гадостью...

– Люсь, ты опять? Ну, слово ведь дал. Сколько можно об одном и том же?

Только когда они уже нежились, валяясь рядышком на подстилке, Люська, беспокоясь, что ей пора возвращаться, пожаловалась:

– Ой, Вась, ты знаешь, пока к тебе бежала – такого страха натерпелась!

– Чего вдруг? – обеспокоился Василий.

– Кто-то всю дорогу за мной бежал, а разглядеть я так и не смогла. Кто бы это мог быть, как думаешь?

– А-а-а, это – нормально! – даже обрадовался Василий. – Не бойсь, Люсья, все в порядке. Это ребята Мурзилы Ивановича охраняют тебя от Маркиза.

«Лучше бы они меня от Мурки охраняли», – подумала Люська. Про то, что вчера произошло у Мурзилы Ивановича и про Мурку, Люська не стала ничего рассказывать Василию. Мало ли, не так поймет, как и Мурка.

– Слушай, Вась, а какие у тебя дела с этими бандитами? Ты меня пугаешь своими связями...

– Да ничего особенного. – Отмахнулся Василий. – Просто этот Мурзила Иванович травкой балуется. Поняла, какой? Как-то раз он нажевался, и под кайфом, дуриком полез на Герду. Типа: «Я тебе сейчас морду бить буду!» Ну, та его и прихватила. Да крепко так, что ему и не выбраться. А я как раз на дубе около их цеха сидел: птичку одну там себе присматривал. Вижу, кранты Мурзиле приходят. Еще немного и даже на чучело не сгодится. Я и рухнул с дуба прямо на Герду, в загривок ей вцепился. Она от неожиданности пасть свою и раззявила. Короче, спас я тогда Мурзилу. Он, когда от дури отошел, пришел благодарить меня, и сказал, что за ним должок. Вот и сгодился должок. Теперь этот черномордый носу за заводской забор не сунет, заказал я его Мурзиле Ивановичу. Нечего ему наших кошек сманивать, породу русскую голубую портить. Раз породистый, так и ищи себе такую же, а за наш забор, к простым котам, не суйся. Правильно говорю?

– Не знаю, Вась. Вроде бы и правильно, но что-то не связывается.

– Чего не связывается? – удивился Василий.

– Пока слушаю тебя, вроде все правильно получается. А если хорошенько подумать – то совсем неправильно.

– Ну и чего я неправильного сказал? – обиделся Василий.

– А как же свобода? Ведь мы, животные, вольны жить там, где понравится, и как захочется. А какая же это свобода, если туда – не суйся, сюда – не суйся?.. Это уже не свобода, а дискриминация. Одним, значит можно, а другим – ни-ни?

– Слово-то, какое придумала! И не выговоришь! Лучше прямо скажи: Черномордого пожалела? Может быть, у тебя с ним все-таки что-то было?

– Да погоди ты со своей ревностью. При чем тут вообще черномордый?

– Нет, ну я же к их кошкам, в квартиры не лезу? Не лезу! Так пусть и они моего не трогают, а то зашибу. Это Люсь, называется защита собственности.

– Тебя послушать, так выходит, что я твоя собственность, вроде как игрушка? – обиделась Люська.

– Ну, ты завернула! И вообще Люсь, ты чего пришла? Лекции мне читать или больного проведать?

– Проведать, – вздохнула Люська.

– Ну, вот и давай, проведывай, а не морочь мозги всякой ерундой.

– Какая же это ерунда, – не могла успокоиться Люська. – Вот ты посуди: мы – кошки, все хоть и дальней, но родней другу дружке приходимся...

– Ну и что с того? – не понимал Василий, куда клонит Люська.

– Вот я и думаю, откуда у нас вдруг такая ненависть друг к другу появилась? Только оттого, что кот другой породы: перс, сиам, британец или еще кто там?

– Наверное, Люсь, от бедности.– Задумался Василий. – Кто-то в теплых квартирах жирует, а кто-то по помойкам скитается. Разве не обидно? Породистые – все по теплым домам, а я что – мордой не вышел?

– Ну, просто кому-то повезло больше в этой жизни, а кому – меньше, – вздохнула Люська.

– А почему не нам с тобой?

– Как же нам не повезло? Если бы мы с тобой по квартирам жили, то и не встретились бы даже. И Барсика бы у нас не было. А ведь большего счастья нам и не надо, правда, Вася?

– Говоришь-то как хорошо, словно сказку рассказываешь. – Мурлыкнул Василий. – Ладно, заговорились мы с тобой. Давай-ка, подруга, беги.

И опять Люську до самого цеха провожала щемящаяся по темным углам сумрачная тень. Только теперь Люська ее не боялась, а радостная и счастливая бежала к своему Барсику. Торопясь к детенышу, она и не заметила, что кроме сопровождающей ее тени, за ней следят еще два глаза, держась на приличном расстоянии от охранника. Это была Мурка. «Так, – зло думала та, – он еще и охрану к своей марухе приставил! Гляди, какая особа! Ну, я тебя все равно достану!» Охранник, убедившись, что около цеха никого нет, не стал дожидаться, пока Люська пролезет под воротами, и повернул в сторону помойки.

Едва Люська распласталась, чтобы пролезть в щель под воротами, как сверху на нее яростно обрушилась Мурка.

Люська сражалась не на жизнь, а на смерть, но явно проигрывала бой, слабея с каждой минутой. Ей и надо-то было всего лишь прошмыгнуть под воротами, и она бы была в безопасности.

Заводская территория в этот ночной час была пустынна: все охранники и сторожа сидели по своим теплым будкам, а это значило, что разогнать этот шипящий клубок было некому. Люське каким-то чудом все же удалось вырваться из цепких объятий Мурки, и она молнией метнулась к спасительному лазу, но, Мурка одним прыжком опередила ее, закрывая проход. Она угрожающе выгнула спину и злобно зашипела на нее. Люська отчаянно бросилась вперед. И тогда Мурка встала на задние лапы, а передними, выпустив свои страшные когти-крючки, мазанула по Люськиной морде. Один из когтей вонзился прямо в Люськин изумрудно-зеленый глаз. Люська завопила от пронзительной боли и дернулась. А ее изумрудный глаз так и остался висеть на Муркином когте. Кошки замерли на миг, но Мурка, придя в себя, вновь бросилась на истекающую кровью соперницу... Она добивала ее, испуганную и обессиленную. Уже не встречая никакого сопротивления, Мурка, наконец, остановилась, нервно дернула шкуркой на спине:

– Вот так-то оно лучше будет! А то ходят тут всякие, а потом коты пропадают! – и поспешила к себе на помойку, оставив бездыханную и безглазую Люську около ворот.

* * *

Последние февральские метели, как ни старались, уже не могли остудить набирающее силу солнышко. И хоть по ночам еще изрядно подмораживало, днем все чаще и чаще неутешными слезами по злым январским стужам булькали сосульки, пузыря под собой небольшие лужицы. Царство бесконечно долгих ночей, темноты и мрака заканчивалось. Все чаще выглядывало солнце, разрывая серую безысходность и радуя глаз небесной лазурью. Природа, нежась

под снеговым одеялом, нехотя просыпалась. Иногда по утрам несмело и робко начинали щебетать и тренькать ранние пташки, копошась в гнездах и стараясь разбудить соню-весну.

Рано утром сторож Володька пошел открывать цеховые ворота. И тут у самых ворот он увидел растерзанную Люську.

– Ох, ешки-матрешки! Догулялась! Собаки, наверное, порвали, – горестно подумал он...

Через час в цеху уже начал собираться рабочий люд. Володька доложил начальнику цеха, что ночь прошла без происшествий, если не считать Люськиной смерти, собрал свои нехитрые пожитки в сумку. Постоял над коробкой с Барсыком, подумал: «Не выжить ему без матери в цеху», и засунул его за пазуху куртки.

– Что это у тебя? – безо всякого интереса спросила жена, увидев топорщившуюся куртку. – Опять железок наташил? И что ты их все тащишь-то... – беззлобно ворчала она.

– Мань, я тут заботу тебе принес, – словно извиняясь, осторожно отодвинул Володька полу куртки.

– Ой, батюшки, где ж ты его взял? Что ж такого махонького принес? Глазки-то только открылись.

А когда узнала про судьбу его матери, прониклась жалостью. – Выходим, не пропадать же ему, бедолаге.

* * *

На восьмое марта к сторожу Володьке из Питера неожиданно приехала дочка со своим семейством – мужем и дочкой.

– Ой, радость-то какая! – суетилась Маня на кухне. – А позвонить не могли? Я бы хоть пирогов поставила.

– Мам, да не суетись ты. Мы по делу, вообще-то, приехали. Деньги нам нужны. – Мила крутилась тут же, помогая матери.

– Ой, доча, а кому они сейчас не нужны? – Засмеялась Маня.

– Мам, нам много надо.

– Что вы задумали? – встревожилась Маня.

– За границу хотим поехать работать. Димке на собеседование надо лететь в Шотландию за свой счет.

– Ничего себе! – остановила свой бег по кухне Маня. – Так это же бешеные деньжищи!

– Деньжищи! Если по-хорошему, то мы должны оба лететь, но договорились, что на собеседование полетит один Дима. И за себя, и как мой представитель. Слушай, мам, как бы уговорить папу машину продать? Мы заработаем, ему новую купим, а?

– Машину, говоришь, продать? – хитро прищурилась Маня. – Так нечего продавать. Мы ее уже продали.

– А на чем же папа на рыбалку ездит?

– Купил себе старенький Урал, на нем и мотается.

– А зачем продали?

– Сюрприз тебе хотели сделать. У тебя ведь в этом году юбилей. Как-никак 35 лет! Вот хотели тебе шубку купить.

– Мамочка, миленькая, не надо мне никакой шубы. Вы мне лучше заранее подарок мой деньгами отдайте, ладно? – не помня себя от радости, кинулась целовать мать Мила.

– Может, и на шубу хватит? Уж так хотели тебе шубу справиться. – Огорчилась Маня.

– Мамулик, да если мы с Димой прорвемся в Шотландию, я думаю, что мы не одну шубу сможем купить, – уговаривала Мила. – Может, еще и на квартиру заработаем. Надоела эта коммуналка, слов нет.

– Ты думаешь? Ну, тогда ладно, куда ж от вас денешься! – согласилась Маня.

Пока Маня с Милой крутились на кухне, сооружая праздничный обед на скорую руку, дед позвал внуку в спальню:

– Светик, иди-ка что покажу!

Дымчато-голубой, с плотно набитой шерстью, похожий на медвежонка, Барсик мирно спал, зарывшись в пуховое одеяло, когда его вдруг кто-то бесцеремонно схватил на руки. Он сладко зевнул, и едва разодрал глазенки. «Это еще кто? Караул, украли!!!» – задергался он в Светкиных руках, пытаясь вырваться.

– Маленький! Деда, откуда такая красота? – верещала Светка. — А симпатичный! Я тоже такого хочу!

– Ну, Барсик, чего испугался, – услышал он родной голос, знакомый с самого рождения. – Дикая он еще.

– Мам, мама, иди сюда! Смотри, кто у бабули с дедом есть! – кричала Светка, тиская котенка.

– Что такое? Что ты кричишь, как на базаре, – вошла недовольная, что ее оторвали от работы, Мила. – Ой, какая прелесть! Откуда он у вас?

– Да с цеха. У него мать собаки разорвали, а он малехонький совсем остался. Вот мы с бабушкой и нянчимся с ним, с пипетки кормим. Ну, ладно, пустите его, а то напугали до смерти.

За столом решался главный вопрос: что делать со Светкой, в случае, если Дима пройдет собеседование. Конечно, можно было бы взять ее с собой, но не известно, потянет ли она со школьным знанием английского. А все-таки самые ответственные два года до института остались. Димины родители живут далеко – в Алтайском крае. Поэтому этот вариант все единодушно отклонили. Было решено, что этот год Света доучится в Питере. С ней поживет бабушка. Ну, а Володьке придется похолостяковать до лета. Тем более, что пока сборы-разборы, там и конец учебного года близко. А уже летом – все в Плавск.

– Вот и замечательно! – Радовалась Маня. – А со школой я договарюсь. В твою школу и определим. Там все еще старая директриса.

– Мария Сергеевна! – удивилась Мила. – Еще работает?

– Работает! Недавно ее встретила. Про тебя все спрашивала, привет передавала. Так что, не волнуйтесь, все будет нормально. Если что, мы и репетиторов найдем...

– Все будет путем! – согласился с женой и Володька.

– Пап, мы тебе оттуда виски шотландского, настоящего привезем. И привидение из замка, – посмеялась Мила, радуясь, что все проблемы разрешились так легко.

– А чего ты смеешься? Не веришь в них что ли? – усмехнулся Володька.

– Пап, а ты что, веришь? – удивилась Мила.

– Вот ты послушай, что я тебе расскажу. У нас с завода Сашка Руденко с женой и сыном в позапрошлом году ездили в Египет. Ну, нафотографировались они в этом Египте у разных достопримечательностей, приехали домой, проявили, значит, пленку и стали фотки разглядывать. Смотрят, а у какого-то там водопада, прямо у них за спиной – привидение стоит.

– Как привидение? – опешил Дима.

– А вот так вот! Самое настоящее! – обрадованный произведенным эффектом, словно он сам лично это привидение сфотографировал, сказал Володька.

– Ой, пап, сколько тебе лет? – засмеялась Мила.

– Много, доча, а что?

– Да то, что в сказки веришь. Это, наверное, фирма туристическая, чтобы себе рейтинг поднять и клиентов привлечь, что-нибудь придумала.

– При чем тут фирма? – не соглашался захмелевший Володька. – Фирма тут не при чем! Они, между прочим, своим собственным фотоаппаратом снимали. Сначала Сашка сни-

мал жену и сына. Привидение там прямо за ними стоит. А потом уже сын их двоих снимал – там привидение как будто уходит. Прямоком по этому водопаду.

– Деда, а какое оно вообще? На что похоже? – заинтересовалась Светка, слушавшая деда чуть не с открытым ртом.

– На что? – дед переглянулся с Маней. – Да как будто нарисованный карандашом человечек. Весь словно из палочек. Только прозрачный.

– Ха, так это, наверное, просто на негативе им кто-то этих человечков нарисовал. Подшутить решили над ними, – скептически решила Мила.

– Нет. – Решительно возразил Володька. – Вот и все, как и ты сначала так подумали. Сашка даже негатив приносил на работу. Нет на нем никаких человечков. И проявщиков спрашивали, те говорят, что ничего не делали. Сами, говорят, удивились, когда фотографии напечатали... Если не верите, я схожу к Сашке, попрошу у него эти фотографии, сами увидите. У нас тут весь город гудел. Они даже еще раз фотографии заказывали, уже в областной мастерской. Специально туда ездили. И там то же самое вышло: на негативе привидений нет, а на снимках высветились.

– Ой, правда, деда, сходи. Никогда еще настоящего привидения не видела! – обрадовалась Светка.

– Так им надо эти негативы в Москву везти на телевидение, в какую-нибудь передачу о непознанном. – Сказал Дима.

– Да все собираются, только не знают, куда обращаться...

После обеда Володька сходил и принес от Руденко знаменитые на весь город фотографии, а заодно и негативы, чтобы у детей отпали все сомнения на этот счет. Все принялись досконально, с помощью лупы изучать снимки и негативы, пытаясь найти подвох. Но никакой подделки не нашли. Светка сразу и безоговорочно поверила в то, что это самое настоящее привидение, Дима не знал, что и думать по этому поводу. Одна Мила по-прежнему была настроена скептически:

– Ерунда все это! Не верю я ни в какие привидения! Ловко сделанная фальсификация, скажи, мам?

– Я, честно говоря, не знаю, что и думать, – растерянно пожимала плечами Маня.

* * *

Когда Люська не пришла и на третью ночь, Василий забил тревогу, и, неловко прыгая на трех лапах, сам отправился к ней. Но Люськи, как и котенка, в цеху не было. Мурзила тоже ничего не знал о Люське. Его коты сказали, что последние три дня она вообще не выходила из цеха. Маркиза они тоже давно не видели. Самое удивительное, что даже Фрося и Тося – безотказное справочное бюро, на этот раз ничего не знали.

Василий искал Люську по всему заводу, но безрезультатно. Никаких следов! Потеряв всякую надежду, он решился на самый последний шаг – поговорить со своим злейшим врагом, Маркизом.

Василий с самого утра просидел во дворе, ожидая, когда же, наконец, этот ненавистный котяра выберется на улицу. И только когда уже солнце стало клониться к закату, а к дому подъехала директорская машина, из которой, пыхтя и отдуваясь, вылез такой же толстый и пузатый, хозяин Маркиза, только тогда, наконец, из подъезда вышел Маркиз. Василий его даже не узнал, так он изменился! Маркиз страшно похудел, и шубка его, лохматая и лоснившаяся прежде, теперь клокастым мешком висела на нем. Он уже не был таким вальяжным, уверенным в себе котом, а представлял собой какое-то убогое зрелище. Он уныло брел по двору, не поднимая глаз, еле переставляя лапы и волоча хвост, повисший веревкой. Василий где-то в самой глубине души, даже пожалел его «Что это с ним? Не помирать ли собрался?»

– Эй, черномордый! – окликнул он его.

– А это ты... – безучастно буркнул Маркиз. – Что, прос..ал свою Люську?

И, не останавливаясь, побрел дальше.

– Да я тебе... – взъерепенился было Василий, но видя, что Маркиз вообще никак не реагирует на него, молча пошел за ним.

Маркиз подошел к песочнице, с трудом вспрыгнул на невысокое ограждение и сел, жмурясь от пригревающего солнышка.

– Что это с тобой? Не заболел часом? – грубовато спросил его Василий, усаживаясь недалеко от Маркиза.

– Заболел... – мрачно подтвердил тот, отворачиваясь от Василия.

Он пытался скрыть от него предательски навернувшиеся слезы. Не хотелось ему выглядеть слабаком в глазах этого здорового и красивого соперника.

– А чего так убиваешься? На нас, как на котках... Я вон тоже, сам знаешь...

– Лапы – это ерунда! У меня, однако, дела пострашнее лапы будут.

– Да? – удивился Василий. – Помирать, что ли совсем собрался?

– Уж лучше бы сдох, чем так жить.

– Что случилось-то, можешь сказать нормально?

– Что, что? Кастрировали меня, вот что!

– Да ты что?! – ахнул Василий.

Такого он даже Маркизу при всей своей ненависти к нему не пожелал бы.

– Надоело, видите ли, моим хозяевам... Ух, ненавижу!.. Что я, как процелыга, по улицам за кошками гоняюсь, вот и... – горько вздохнул Маркиз.

– Да-а-а, вот это дела! Эх, люди, люди, не ведают, что творят! – искренне посочувствовал ему Василий. – Это ж надо, какое изуверство! Себе бы...

Они посидели молча, горюя по невосполнимой потере Маркиза.

– Слушай, Маркиз, – Василий первый раз назвал его по имени, – я вот чего к тебе пришел. Ты знаешь, что Люська пропала? Может быть, слышал что-нибудь о ней, а? – заискивающе спросил он.

– Ага, и я, значит, понадобился? – уныло спросил Маркиз. – А когда заказывал меня бандитам, я не нужен был?

– Ты, между прочим, сам виноват. Чего ты к ней клеился, когда я больной лежал? Это честно, да?

– Любил я твою Люську. – горько вздохнул Маркиз. Слезы, помимо его воли, тихо закапали у него из глаз. Он мотнул головой, чтобы смахнуть их, и добавил:

– По-настоящему. Не то, что ты.

– Ты чего опять задираешься? – взъерошился Василий.

– Жалко мне Люську. Вспомню, как ты обижал ее, сволочь такая, а она все равно тебя любила... Вот я бы никогда ее не обидел...

– Да ладно тебе, – сконфузился Василий от горькой правды. – Нет, ты мне все же скажи – ты ничего о ней не слышал?

– Нет, не слышал. Я все это время дома отлеживался. Если бы не хозяева, мать их так, я бы никому Люську в обиду не дал!

– Да если бы я знал, что с ней что-то случится, я бы тоже ее в ту ночь одну не отпустил... – горько посетовал Василий. – Как в воду канула! И Мурзила говорит, что ничего не знает.

– Не фиг было связываться с этими отморозками. – сказал Маркиз и уныло побрел домой.

Им теперь некого было делить, а, следовательно, и враждовать не стало причины. И Василий, из сострадания к Маркизу, стал даже изредка навещать его, чтобы хоть как-то приободрить. Но Маркиз с каждым днем все больше и больше отдалялся от такой интересной ему прежде кошачьей жизни. Василий же, недолго погоревав о Люське, уже в марте, не в силах

устоять зову природы, завел шашни с Марцеллой. К лету уже все заводское кошачье население напрочь позабыло о Люське, словно она никогда и не жила тут. А осенью по заводской территории уже бегали Марцеллины рыже-серые котята.

ГЛАВА 4

Работа по скрещиванию *homo primatus* не заладилась, не смотря на то, что Седьмой Правитель предоставил для этого проекта лучшую лабораторию Таговеи. Кроме того, он привлек к этой работе сильнейших биогенетиков. Демонд был назначен ведущим. Для исследований и опытов были созданы все условия, но результаты были плачевными. Не получалось ничего. Либо зародыш погибал сразу после скрещивания, либо самка во время вынашивания плода. Время шло, а ни одного опытного образца не было получено. Иразида была в отчаянии. Правитель убеждал ее, что все продумано правильно, результаты обязательно должны быть, но...

Демонд, молодой, подающий надежды ученый, тоже долгое время никак не мог понять причин их неудачных экспериментов. Он не раз пошагово просматривал всю программу проекта, не упуская ни одной детали, пока, наконец, его не осенило:

– Мама, я все понял! Это же элементарно! Мы проводим опыты в условиях нашей планеты, хоть и приближенных к земным, но весьма относительно. Я считаю, что необходимо эти опыты перенести на родную для самок планеты. Мало того, я уверен, что необходимо наблюдать самок в их естественных, а не в стерильных условиях.

– Демонд, дорогой, но кто же нам позволит перенести лабораторию с дорогостоящим оборудованием на неисследованную планету? Да и ученых Совет не разрешит отпускать в такие условия.

– Я все-таки попытаюсь убедить отца...

– Я не говорю, чтобы на Землю была перенесена вся наша лаборатория, но организовать хотя бы небольшую опытную станцию, мне кажется, возможно. И совсем не обязательно посылать в эти условия всех научных сотрудников. Можно откомандировать лишь некоторых, ну, скажем 5—6 ученых, – вскоре убеждал он Правителя.

– 5—6! Да ты в своем уме Демонд! На Таговее из 100 компетентных генетиков общего профиля, в лучшем случае 20 биогенетиков наберется! А ты хочешь, чтобы еще 5—6 из них полетели на Землю?! Мы обескровим наш научный потенциал. Нет, я, как Правитель Таговеи, не могу допустить подобного риска! – парировал Седьмой Правитель. – Будем закрывать проект! Это однозначно!

– А как отец?

– Что, «как отец»? – не понял Правитель.

– Как отец, ты можешь понять меня, твоего сына? Я уже столько времени работаю над этим проектом, вкладываю в него душу и сердце, и вдруг – закрыть! Ты понимаешь, что это значит для меня?

– Возьмешь другой проект. Работы биогенетикам на Таговее пока еще хватает.

– Скажи, отец, когда ты работал над «Пертурбацией генного кода» все приветствовали ее?

– Нет, конечно. Мне пришлось много бороться, отстаивая это начинание.

– Почему же ты мне не даешь такого права, безапелляционно закрывая проект?

– Ну, хорошо. – Вздохнул Правитель. – Давай попробуем. Только учеными рисковать я не вправе. Слишком опасна эта планета для жизни погов.

– Хотя бы двух ученых ты сможешь отпустить на Землю?

Правитель испытующе посмотрел на сына, вздохнул и сказал решительно:

– На Иразиду не рассчитывай. Ее я не отпущу, ни под каким предлогом.

– Тогда одного? – пожал плечами Демонд.

– А что ты сможешь сделать один?

– Буду стараться.

– Хорошо, двух-трех биогенетиков я тебе обеспечу, и хватит со мной торговаться. Штат вспомогательных сотрудников и оборудование обговорим позже, но на многое не рассчитывай. Кстати, место для лаборатории я помогу тебе подыскать. Но у меня будет одно условие. Лаборатория должна строиться только под землей.

– Почему? – не то спросил, не то возразил Демонд.

– Слишком ценное оборудование мы переправляем на эту планету. И нет никакой гарантии, что сможем его отправить обратно.

– А, ты о наводнениях! Прости, я как-то не подумал. Ну, что ж под землей, так под землей.

– И самое главное, Демонд. Помни всегда, что для нас с Иразидой – ты самое ценное. Береги себя. – Правитель ненадолго замолчал. – Я постараюсь, чтобы Совет разрешил тебе взять с собой мою кандру² Муссу.

– О чем ты? – удивился Демонд. – Ты же прекрасно знаешь, что я еще не достиг пятой ступени космосенсорики, и мне не позволено заводить этих драгоценных животных! Я, правда, не знаю, откуда идут эти ограничения, но все же...

– Все это так, но я все-таки постараюсь убедить Совет, что это необходимо для твоей безопасности. Ты же знаешь возможности кандров. Они увеличивают сопротивляемость организма, могут не только предупредить хозяина о грозящей опасности, но и предотвратить ее. С тех самых пор, когда много миллионов лет назад, их вывезли с гибнущей Унрии, они стали настоящими оберегами для погов. А столь строгие ограничения идут из-за их единственного недостатка: они практически перестали размножаться на Таговее. Наши ученые ищут причины этого, но, увы!

– Я думаю, что именно по этой причине Совет и не позволит вывезти твою Муссу на неисследованную планету.

– У меня есть для них один веский довод. – В задумчивости произнес Правитель. – Полагаю, он подействует...

– И что это за довод? – Заинтересовался Демонд.

– Понимаешь, кандры, кроме почти мистических возможностей охранять биополя погов, обладают главным достоинством. Они непостижимым для нас образом и вопреки огромному временному и пространственному отдалению от своей родной планеты, реагируют на энергетическое и психофизическое поля умирающей Унрии. И хотя эта планета в настоящее время считается непригодной для существования разумных существ, и числится в погибших, она каким-то образом продолжает подпитывать кандров своей энергией. То есть, они могут служить автономными аккумуляторами энергии. В экстремальных условиях, например, на Земле, они вполне могли бы быть дополнительными источниками энергопитания для погов. Скажем, хотя бы в каких-то неординарных случаях...

– Ну, что ж, попробуй. И хоть я с превеликим удовольствием забрал бы Муссу с собой, я все же не уверен в успехе твоей затеи.

Демонд оказался прав. Совет Посвященных отказал в просьбе Правителя, ссылаясь на то, что в таком случае пришлось бы каждого участника экспедиции снабдить личным кандром. А таких возможностей на Таговее не было. Слишком редкими и ценными пока еще были эти животные.

Вскоре на бескрайних просторах пустыни, опаленных жарким солнцем, ускоренными темпами шло сооружение подземной лаборатории. Все бункера, отстроенные за день, ночью старательно засыпал песок, уничтожая все следы. Объект каждое утро приходилось отыскивать с помощью сложнейших навигационных приборов. Это очень докучало, и строители не придумали ничего лучшего, как поставить над отстраиваемой лабораторией ориентир – изваяние частого гостя на строительстве: огромного, прикармливаемого строителями льва. Заодно

² Кандр – разумное существо, напоминающее земную кошку.

они решили сделать Демонду шуточный сюрприз по поводу его приближающегося тысячелетия – изваяли льва-наблюдателя с лицом Демонда. С тех пор это шуточное изваяние многие тысячелетия прослужило не только ориентиром для посадки грузовых кораблей, доставлявших на Землю оборудование для лаборатории, но и станцией связи с далекой планетой Таговея. Как раз подо львом и строилась лаборатория по созданию опытных образцов homo sapiens, как трудовых резервов для добычи аурума. Через двести лет лаборатория уже работала в полную мощь.

Демонд оказался прав: для чистоты эксперимента необходимы были земные условия. Результаты не замедлили сказаться. В лабораторной обстановке родились первые опытные homo sapiens: Адам и Ева. Это были самые лучшие из первых образцов. По многим физиологическим параметрам они походили на погов: рост выше 2 метров, цвет кожи, глаз, состав крови, строение внутренних органов. И самое главное – мозг. Достаточно сформированный, чтобы не только понимать речь таговетян, но и воспроизводить ее.

Ограничение, которое поставил Совет Посвященных перед учеными: непременно удаление врожденного гена погов, отвечающее за экстрасенсорику, было выполнено. Морально-этические принципы таговетян не позволяли использовать себе подобных на тяжелых физических работах. А потому опытные образцы homo sapiens задумывались всего лишь, как биороботы для проведения работ, связанных с добычей аурума. Кроме всего прочего, Посвященные опасались непредсказуемости воздействия этого гена на не малоразвитую мозговую деятельность. Мозг, не заполненный генетической памятью, мог стать непредсказуемым.

Сразу же после рождения Адама и Еву отлучили от опытных самок, чтобы исключить возможность генной памяти. Многолетние наблюдения за ними показали закрепление уникального гена погов, сохранившегося у первых homo sapiens – гена долголетия.

Когда Адам и Ева достигли детородного возраста, их выпустили из лаборатории в естественные условия, предварительно стерилизовав память о месте и истории их рождения. С этого момента наблюдение за ними велось скрытым способом. А работа лаборатории продолжалась. Научные опыты и изыскания шли полным ходом. Кроме Адама и Евы «путевку в жизнь» получили еще десятки особей, но приоритет остался за первой парой как, впрочем, за всем изначальным...

«Адам познал Еву, жену; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа»

«Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери,

Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал.

В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди» (Ветхий завет).

Через 3—4 столетия на Таговею уже регулярно шли караваны грузовых кораблей с золотом, добытым руками homo sapiens, еще не познавшими его ценности. В благодарность, за то, что Боги учили их земледелию, строительству и точным наукам, первые люди Земли поклонялись им и возводили изваяния, жертвенники и капища из золота, так необходимого Богам.

А поги Таговеи прославляли и чествовали Седьмого Правителя, возведя его в ранг Всемогущего, то есть бессменного.

* * *

С раннего утра в комнате Львовых на 4-ой Советской царил раскардаш: чемоданы, баулы, сумки, этюдники, разбросанные вещи, еще не нашедшие места в багаже. Впервые хозяева уезжали так далеко и надолго. Поэтому надо было непременно продумать все возможные ситу-

ации и взять все необходимое. Необходимым оказывалось буквально все. Вплоть до гвоздей с молотком. И только после того, как все было тщательно уложено и упаковано, оказывалось, что половина вещей бесполезна, и вполне можно обойтись без них... И все начиналось сначала. Вскоре на помощь прибыло семейство Малановых в полном составе. Витька, выгрузив Дашу с детьми, уехал на вокзал встречать Милиных родителей. Дашу определили на кухонные работы, дав ей в подмастерья Свету и Лешу. Они бойко орудовали ножами, гремели кастрюлями и сковородками, готовя праздничный обед. Одни только близнецы носились из кухни в комнату и обратно, как гонимые ветром листочки.

Часа через два прибыли родители в сопровождении старшего Маланова со странным фанерным ящиком в руках. Он был весь в просверленных дырочках. В таких ящиках в добрые советские времена из теплых краев перевозили фрукты.

– А это еще что? Мы ничего с собой не возьмем, – решительно заявила Мила.

– Да это мы Барсика с собой привезли. – Пояснил Володька, освобождая кота из плена.

– Бог мой! Свет, посмотри, какой большой вымахал! – удивилась Мила.

– Стараемся, – скромно заметила Маня.

– А у соседей нельзя было его оставить? У нас же коммуналка, никаких условий.

– Не волнуйся, доча, у нас все продумано. Мы со своим горшком в гости приехали, – успокоил ее Володька.

– Ну, не захотел он ни в какую с тетей Надей оставаться. Фырчит на нее, кидается, как зверь. Не бросать же его одного в доме! – посетовала Маня.

– Ну ладно, сами тут разберетесь. Давайте за стол, уже все готово. Дим, сходи, позови соседей.

«Куда я попал? – с ужасом думал Барсик, отыскивая тем временем укромный уголок. – Неужели будем жить такой оравой? Лучше бы остался с этой противной теткой, которая как увидит меня, так и норовит под зад пнуть. А при Мане сю-сю, да сю-сю, какой у вас котик хороший! Тьфу, лицемерка!»

Все сели за стол и дружно выпили за успех мероприятия, за удачный полет, за мягкую посадку, тд, и тп...

Пока все за столом орудовали ложками, вилками и ножами, младшие Малановы, не теряя времени даром, решили заняться дрессурой Барсика, отыскав его в дальнем углу под диваном. Достать его оттуда было сложно, и они упорно тыкали в него веником. «Караул!!! Маня, Володька!!! На помощь!!! Люди, спасите!!!» – отчаянно взывал Барсик из-под дивана. Но всем было не до него. Пожелания, советы, наставления, разговоры и смех перемежались звоном бокалов, стуком вилок и ложек о тарелки. Шум за столом превосходил душераздирающие вопли Барсика на несколько сотен децибел. «Оглохли они там, что ли?!» – совсем отчаялся Барсик, когда вдруг братья, решив, что веником кота не достать, дружно ринулись за шваброй. Барсик, воспользовавшись неожиданной паузой, тут же пустился искать новое укрытие. В его судорожных метаниях по комнате на пути неожиданно возникла незакрытая сумка. Барсик, недолго думая, запрыгнул в нее, и начал быстро закапываться в вещах. «Уф, кажется, оторвался, – никак не мог он успокоиться, затаившись почти на дне огромной сумки. – Помнится, мама что-то рассказывала про собак... Ничего не помню... А, вот, вспомнил! Что это самое ужасное зло на земле! Так вот они, оказывается, какие! Надо же, а так похожи на людей, только совсем маленькие...»

К тому времени, когда Барсик после всех треволнений, наконец, успокоился в своем надежном укрытии, и заснул, застолье закончилось. В сутолоке и суете последних сборов никто не удосужился проверить дорожную сумку. В нее еще что-то положили сверху, закрыли, и все дружно отправились в аэропорт.

– Мам, пожалуйста, гоняй Светочку от компьютера. Только после уроков, и не больше двух часов в день, ладно? А то она может целый день... – давала последние наставления Мила.

– Да ладно, уж как-нибудь разберемся. Не переживай, все будет нормально. Тебя же как-то вырастили.

– Тогда компьютеров не было...

– Ты, главное, письма не забывай писать, – просила в свою очередь Маня дочку.

– Мам, какие письма? Ты в каком веке живешь? Для этого Интернет есть. Для чего Дима ноутбук купил? Вся связь через Свету.

– Да? – растерялась Маня. – И даже звонить не будете?

– Позвоним, когда прилетим, и как доберемся в Данди. Дальше – только в экстренных случаях. Это очень дорогое удовольствие...

Но ничего этого Барсик уже не слышал. Он спал без задних ног, после всех ужасов, пережитых недавно. То посадили в какой-то ящик, в котором не развернуться, и отовсюду дует. То затащили куда-то, где все грохочет и скрежещет. Совсем, как в детстве. Но там рядом была мама, с которой ничего не страшно. А в довершение всего – эти непонятные не то собаки, не то люди.

Только один раз, когда сумку уронили, вытаскивая из багажника, Барсик проснулся и даже попытался выбраться из своего укрытия. Но в шуме и гомоне аэропортовской суеты никто не услышал, как вопил и царапался в сумке Барсик, пытавшийся выбраться на волю. «Вот это влип!» – в ужасе думал он.

И только Малановские близнецы непонятно с чего устроили самую настоящую кучу малу. одному из них вдруг послышалось, что другой дразнит его, мяукая по-кошачьи, и тот начал на него гавкать в ответ. А первый на это дал второму затрещину, и началась привычная свалка. Пока их разогнали в разные стороны и успокоили, уже пора было прощаться.

Барсик, добравшись до самого верха сумки, неожиданно обнаружил старательно завернутую в пакет курочку и пирожки с мясом, привычно пахнувшие Маниными руками. Это его несколько успокоило. «Заботливая у меня, все-таки хозяйка», – думал он, уплетая курочку...

Таможенники на досмотре вещей вполне резонно приняли затаившегося и перепуганного насмерть Барсика за меховую шапку, и со спокойной совестью пропустили сумку. Потом Барсика вместе с этой самой сумкой куда-то тащили, поднимали, впихивали. В конце концов, ему стало совершенно нечем дышать. Еще хуже было то, что он, придавленный сверху другими сумками, чемоданами, баулами, коробками не мог двинуть ни одной лапой. И от этого стало еще страшнее. Но надо было как-то бороться за жизнь. И он из последних сил сумел все же протиснуться к спасительной дырочке от замка сумки, чтобы хоть чем-то дышать. И в таком приплюснутом состоянии, совершенно обессиленный, Барсик забылся... «Ничего, когда-нибудь же эта сумка им понадобится», – резонно рассудил он. Через некоторое время весь этот кошмар повторился...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.